

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ПОСЛЕДНИЙ
АНАЛИЗ, ИЛИ
ФИЛОСОФ-
СТВОВАНИЕ
ПЕРЕД
ЭШАФОТОМ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	5
ПРОЛОГ.....	8
ГЛАВА 1	10
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	24
Глава 8	35
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	55
Глава 12	59
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	70
ЧАСТЬ 2.....	70

Глава 1	71
Глава 2	75
Глава 3	77
Глава 4	79
Глава 5	83
Глава 6	86
Глава 7	87
Глава 8	90
Глава 9	94
Глава 10	97
Глава 11	99
Глава 12	101
Глава 13	106
Глава 14	108
Глава 15	112
Глава 16	117
Глава 17	123
Глава 18	125
Глава 19	128
Глава 20	129
Глава 21	131
Глава 22	133

ЧАСТЬ 3.....	137
Глава 1.....	137
Глава 2.....	139
Глава 3.....	143
Глава 4.....	147
Глава 5.....	152
Глава 6.....	155
Глава 7.....	157
Глава 8.....	159
Глава 9.....	162
Глава 1.....	164
Глава 2.....	166
Глава 3.....	167
Глава 4.....	169

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"... способность суждения есть особый дар, который требует упражнения, но которому научиться нельзя".

Кант

С.А.

Зелинский

Последний анализ,

или

философствование

перед эшафотом

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский. Последний анализ, или
философствование перед эшафотом

С. А. Зелинский.

Последний анализ, или
философствование перед эшафотом. Роман.—
CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency
Inc, 2014. — 195 с.

ISBN 9781312542228

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

роман

Последний анализ, или философствование перед эшафотом

*"... способность суждения есть особый дар, который
требует упражнения, но которому научиться нельзя".*

Кант

*"Весь мир -- театр. В нем женщины, мужчины - все
актеры"*

Шекспир

Пролог

Я наверное убийца. Так считают следователи. И так,
наверное, решит суд.

Я даже сам иногда считаю так. Но больше всего я желаю,
чтобы восторжествовала справедливость. И мне честно и
беспристрастно доказали - кем же я являюсь на самом деле.
Потому что, если честно, мне иногда кажется, что ничего такого
уж страшного в моей жизни и не произошло. Ну а те сорок восемь
доказанных эпизодов смертей и изнасилований... Жестоких
смертей и таких же изнасилований... Или уже вернее -- сначала
изнасилований, а потом и смертей... Что это было?.. Ошибка? Или
неправда? Хотя и правдой было то, что всех этих блядей я,
конечно же, убивал. Убивал различными способами, чтобы было
наверняка. И эти бляди не смогли ожить. Да и мне казалось, что
действительно наступала смерть. И все те женщины...

Были ли они действительно женщинами? Женщинами --
в высоком понимании этого слова?

На мой взгляд - они были блядами. Проститутками. Вернее, для половины из них слово "проститутка" не было ругательным. Это была их профессия. Да и до сих пор являлось бы профессией - если бы я не остановил их.

А основная часть женщин были просто бляди. Которые не брали денег за то что доставляли удовольствие мужчинам в первую очередь потому, что сами получали удовольствие. И стоило лишь в зоне их внимания появиться какому-либо фаллическому символу - как почти тот час же их извращенное воображение рисовало картины исполнения сексуальных желаний. И им тяжело становилось сдерживаться, чтобы не представит как их ебут... Начинают ебать... Они сами тотчас находили мужчину который начинал их ебать...

.....

Такие женщины были обречены. Они не могли прожить без того, чтобы что-то (иногда уже хоть что-нибудь) не ощутить у себя между ног. Между своих ягодиц. На крайний случай - между своих грудей. Или всосать в себя. Зачастую сотрясаясь в экстазе уже только от одного представления об этом. О том,-- что с ними будет делать тот или иной мужчина.

Бляди они. Ну разве не бляди? А я их убивал. И на следствии честно во всем признался. В надежде, что суд поймет меня. И истолкует мои похождения с той долей беспристрастности, на которые я рассчитывал. Очень рассчитывал. В глубине души.

В глубине - потому что знал, что в реальности подобного не произойдет. И то ли общество не готово к этому, то ли я сам еще не был готов, но...

Психологически я не был сломлен. И вот сейчас, когда прошло много лет после совершения всего, что вменяется мне в вину, и после чего я давно уже стал совсем другой, чем был тогда, я пишу... Зачем я обо всем этом пишу?.. Почему старательно вывожу на бумаге собственные воспоминания? В надежде, что мои записи успеет прочитать судья перед тем как вынесет приговор? Глупо... Решение суда мне уже известно. Хотя, наверное, и все еще возможно переиграть. Ведь какая-то надежда все равно должна оставаться. Иначе было бы и не зачем жить. А я прожил свои тридцать семь лет, все время на что-то надеюсь. Дурак...

Часть 1

Глава 1

5 марта 2001 год. Я хорошо помню тот день. Он запомнился мне потому, что тогда я впервые ступил на тот путь, который позже следователи окрестили как криминальный. Хотя самого криминала там было не больше, чем и во всей той жизни, которая меня окружала.

Мне было тогда тридцать два года. Внешне я совсем не был похож на каких-то серийных убийц и насильников. Притом что только в представлении окружающих они являются какими-то

убогими и забытыми. Тогда как на самом деле имеют почти противоположную внешность. Являясь чем-то навроде сублимированной проекции своего собственного "Я" -- по отношению к окружающему миру.

Нечто похожее было и у меня. Я был высоким, достаточно красивым, с вполне развитым телосложением (в прошлом - мастер спорта по легкой атлетике) и развитым интеллектом (закончена театральная академия и издана книга по теме: "Влияние сценических образов в театре и кино - на формирование ассоциативного ряда в подсознании зрителей"). Да и особых проблем с противоположным полом никогда не наблюдалось. И череда влюбленных в меня девиц сменялась в соответствии с моими какими-то представлениями о длительности отношений. Причем в браке я так ни разу и не был. И даже не задумывался об этом. Считая, что для меня пока это и не главное.

Что было для меня главным?

Я работал театральным режиссером. Вернее - это была моя профессия. На самом деле все основные мои "постановки" были в жизни. И начало им было положено с момента моего рождения. А основное действие началось именно 5 марта 2001 года. Когда мне неожиданно пришло в голову, что все моя прошлая жизнь, по сути, ничего и не значит. И до того чтобы я понял, что ничего в этой жизни у меня не получилось, оставалось ничтожно мало времени.

Но именно 5 марта я убил женщину, которую до этого насиловал с азартом охотника, долго преследовавшего и наконец-то настигшего свою добычу. А жизнь моя с тех пор пошла совсем

по иному направлению. И я уже не мог удержаться, чтобы не убивать своих добровольных жертв. Женщин я превращал в жертвы. А добровольными они являлись потому, что сами хотели моего хуя. Желая испытать со мной любовный экстаз.

А мне уже как вроде бы ничего и не оставалось -- как поддаться их желанию.

Глава 2

Как все началось?

В тот день я познакомился с художницей, недавно прибывшей к нам в театр. "Пропускать" ее через себя мне поначалу не хотелось. Уж очень невзрачной была ее внешность, чтобы мне испытывать хоть мало-мальское желание. И потому, какой бы то ни было сексуальный интерес к ней, у меня отсутствовал. Поначалу. Ровно до того момента, как я не разглядел в этой тридцати двухлетней женщине (маленькой, худенькой, и действительно невзрачной) какую-то невероятную сексуальную притягательность, скрывающуюся внутри. Где-то там же таилось и ее желание быть отраханной.

Я до сих пор не думаю, что ошибся. Так же как не уверен, что пришлось желаемое - выдавать за действительное. Ибо в полной мере испытал на себе жар ее тела. И настойчивость того дьявола, который скрывался у нее между ног. Ибо стоило только обнажить ей себя, как тотчас же мое внимание оказалось прикованным только к одному ее месту. И я уже не мог удержаться, чтобы всасывать, лизать, целовать эти половые губы,

---

и то что приоткрывалось между ними. А женщина как будто ничего и не делала. Лишь только лежала на спине, разведя ноги, и искоса, захлебываясь от страсти, поглядывала на то, что я выделял своим языком и губами между ее ног.

А потом она стала сосать. И я уже решил не сдерживаться в проявлениях того, что доселе скрывалось в моем бессознательном. И в порыве страсти схватив ее за голову - чуть ли не до конца всадил в ее рот свой член. И она все интуитивно поняла. И только удерживала мой пенис губами, а я уже сам задавал нужный ритм телодвижений, то увеличивая, то замедляя его. И перед тем как выпрыснуть в нее все содержимое, слегка отстранил ее от себя (так что б видеть ее глаза), а потом и вовсе высунул, взял в руки, и направив в ее лицо - выстрелил в глаза. И пока он еще не упал (падать, впрочем, видимо и не собирался), просунув руку между ее подмышкой и шеей, припечатал девушку к кровати - и быстро оказавшись у нее за спиной - вошел сзади.

Она даже не сопротивлялась. А казалось и наоборот - желала того же. И я уже врвался между ее ягодиц. И только отмечал про себя следовавшие один за другим оргазмы женщины. Пока еще раз не кончил и сам.

Но выпив по бокалу шампанского - мы начали снова. Точнее, она попросила, чтобы я ее ударил по лицу. А потом стала словно бы уползать от меня. И я набросился на нее. И мой орган любви сливался с ее. А оргазмы даже совпадали.

.....

Через три дня и три ночи откровенного сексуального безумства, ни она, ни я уже не могли воспринимать окружающий мир не иначе как с позиции секса. Все словно бы состояло из него одного. И подчинялось только нашему желанию продолжить любить друг друга. В невероятных по разнообразию сексуальных позициях. И все было так, словно это никогда не могло закончиться. И я давно уже не задумывался: откуда берутся силы? А она ни о чем похожем вообще не думала. И не хотела ничего, кроме того, чтобы ее ебали, ебали, ебали...

Причем совсем скоро она уже действительно ничего не понимала. И мы вместе вдруг оказались в какой-то неизведанной доселе ирреальности происходящего. Тогда как само происходящее ничего больше не напоминало нам, кроме как сексуального безумства. И было подчинено лишь только одному ему и ничему больше.

Глава 3

Асоль Бергер была художница. Совсем как вроде бы и независимой. Независимой и от того, что ее картины нигде не выставлялись, и потому какого-то признания как будто и не было.

Но независимость еще исходила и откуда-то у нее изнутри. Базируясь, должно быть, в ее подсознании; и уже оттуда - влияя на поступки, совершаемые ей в жизни.

Можно ли было назвать ее жизнь безрадостной? Наверное все же нет. Асоль каким-то интуитивным образом нащупала ту внутреннюю гармонию, в которой пребывала до сих

пор. И ничто, казалось, ее не могло сбить с понимания действительности, которая уже всякий раз, стоило какому-то непредвиденному случаю возникнуть перед ней, поражало в том числе и мое воображение. Так случалось, стоило только мыслям Асоль на время сбиться со своего привычного хода. Так что, у кого-то другого могла подступить и тревога. Асоль каким-то образом удавалось избавиться от этого. И жизни ее протекала совсем неспешным течением. Так что уже как будто и ничто даже не грозило нарушить этот привычный ритм.

.....

В свои тридцать два Асоль хотелось быть девственницей. В то время как занималась любовью она с четырнадцати лет. И даже не то что занималась, а скорее позволяла себя любить. Подчиняясь желаниям (и соответствующим телодвижениям) мужчины. А сама же по возможности оставаясь безучастной.

Для Асоль не было каких-либо ограничений в сексе. Если таковые и существовали, то она их рассматривала лишь как игру. Игру, необходимую для еще большего удовлетворения мужчины. И даже опасаясь выказать какое-либо недоверие плану, имеющемуся (по ее мнению) у мужчины.

Что это был за план, Асоль никогда не знала. А в какую-либо интуицию (позволяющую принимать любые сексуальные позиции для еще большего - более глубокого - проникновения в нее) не верила. Не верила, что такая интуиция была у мужчины.

Что он придерживался ее. Потому что в таком случае, как она считала, секс представлялся бы смешано-хаотичным набором телодвижений. Она же во всем старалась придерживаться порядка. Ни за что не решаясь мыслить, что могло быть хоть как-нибудь иначе.

.....

Асоль любила мужчин. Пусть в душе она и ненавидела их, но все равно любила. Потому что совсем не могла представить, что совсем останется одна. И при этом, разумеется, Асоль ни за что бы не согласилась с "первым встречным". Хотя стоило только этому первому встречному обратить на нее внимание, и он уже не был для нее таковым. И дозволялось этому человеку абсолютно все. Все, на что будет готова его фантазия. И Асоль могла бы похвалиться тем, что большинство ее мужчин действительно были достаточно изобретательными, чтобы изобретать все новые сексуальные композиции, подчиненные выполнению всего одной цели - максимальному удовлетворению женщины. Асоль. Асоль Бергер. Еврейки по паспорту, и нимфоманки по факту. Факту ее сексуального безумия. Которому она предавалась всякий раз, стоило ей только угадать в находящемся рядом мужчине желание обладать ею. И она уже совсем не противилась этому желанию. А только старалась, чтобы такое желание скорее воплотилось в действительность.

.....

Работала Асоль художницей в театре. Театр был небольшой. Но со своим залом на 30 посадочных мест. И со зрителями, почти сплошь и рядом состоящими из любовников Асоль. Да и из более семи сотен мужчин, с которыми она переспала, трудно было не найти всего-то 30, желающих поддержать игру в театре коллег своей любовницы. Как и нелегко было найти тех, кто еще не спал с Асоль. Причем самого сна, разумеется, могло никогда и не состояться. Сон являлся лишь как дополнением; счастливым дополнением к тому, что происходил перед этим.

А перед этим происходил секс. Порой в самых невероятных его проявлениях. Когда никто не решался хоть как-то сдерживаться. И когда дозволялось совершенно все. Без каких-либо ограничений.

.....
..

--Ты готов?--Асоль заняла явно выжидательную позицию (под настроение). И широко раскрытыми глазами смотрела на вздымавшийся член мужчины, стоявшего перед ней.

Сама же она лежала на спине. Точнее, сделала что-то наподобие свечки, опиралась на поверхность дивана только плечами и локтями. В то время как то, во что должен был войти мужчина (даже имени его она не знала), находилось между ее поднятых кверху ног. И было слегка приоткрыто. Словно приглашая - входить.

Мужчина решил больше не ждать. Словно дав отмашку, он начал представление, глубоко, почти до самого основания

своего члена проникая в вагину женщины. И ее половые губы жадно причмокивали, поглощая в себя мужской орган любви. При этом Асоль подозревала, что самому мужчине, по сути, было все равно, в какой позиции ее трахать. Но вот ей почему-то хотелось, чтобы это было именно так. И она решила пока ничто больше не выдумывать. Да и зачем?

.....

Мужчиной был малоизвестный театральный режиссер. Который вдруг (прочитав желание в глазах недавно принятой на работу костюмерши) решил, а почему бы и нет. И дождавшись, пока большая часть актеров и остальных работников театра уйдет - и не в силах больше сдерживаться - затащил "строящую ему глазки" художницу по костюмам в одну из пустующих гримерных -- с целью изнасиловать. Хотя насилия никакого не было. Все было по желанию. Обоюдному. А если и слово "насилие" все же уместно, то лишь оттого, что женщина хотела, чтобы ее действительно насиловали. Не давая задавать никаких вопросов. И лишь только трахать, трахать, трахать...

Глава 4

Зачем я ее убил?

Наверное даже и не знаю.

Но мне отчего-то показалось, что такая блядь не должна была жить. Хоть и на самом деле это, большей частью, вышло

случайно. Потому что только раз (да и то - по ее желанию) ударив ее - я уже не мог остановиться. И меня подстегивал мой находившийся в ней орган любви.

Нас хватило на три дня и три ночи. Потому что потом она потеряла сознание. А я уснул, обессиленный. А когда проснулся, понял что произошло. Но еще какое-то время не мог в полной мере отдавать отчет реальности. Что-то в моей психике включалось такое, что мешало этому. Да я, быть может, и не так чтобы очень стремился к этому. Не решаясь даже заставить себя. И словно бы какое-то время продолжая находиться в состоянии аута. С совсем не возникающими желаниями. Забытыми стремлениями. Уснувшими мыслями. Исчезнувшими сомнениями. Ушедшими прочь тревогами. И с совсем не возникающим беспокойством.

И мне вполне казалось, что это-то и хорошо. И я еще долго находился без возникновения каких-либо мыслей, что чего-то похожего, быть может, делать и не стоило. Хотя и это скорее мной лишь интуитивно угадывалось. Но до конца так и не осознавалось. Да и не старался я уже думать о чем-либо в той ситуации. Потому что и думать было не о чем. Потому как постепенно ко мне приходило осознание произошедшего. И на какое-то время это вытеснило из моего сознания все остальное. А я даже если бы и захотел, то не решился бы что бы произошло что-нибудь иное. Потому что...

Потому что теперь передо мной был срок. Тот срок, который мне надлежало отбыть. И я настолько испугался этого, что быстро оделся и исчез "с места происшествия" (как после об этом написали бы следователи). Но я действительно исчез. И мне

совсем не хотелось возвращаться. Впервые за многие годы не захотелось возвращаться в прошлое. И я даже не знал - как воспринимать это.

.....

Странное на меня нахлынуло чувство. С одной стороны - я был убийцей. Совсем даже настоящим убийцей. С другой, - я может быть впервые за прошедшие годы обрел душевное равновесие и успокоение. Успокоение своим изможденным нервам. И словно бы в состоявшемся убийстве прослеживался некий ритуальный аспект. А в моей душе - произошло нечто на вроде нравственного очищения.

И мне нисколько не хотелось, чтобы было как-то иначе. И чтобы кто-нибудь смотрел на все произошедшее - с некой иной плоскости. Ненужной для меня, в данном случае.

.....

Что же это на самом деле было? Неужели могло это выглядеть как-то иначе? Неужели все это был обман, иллюзия, а я всему этому верил?

И старался уже, получается, обмануть самого себя. Притом что в действительности все было даже по-другому.

...Черт его знает... Иногда я мог запутать и самого себя. Впадая в некое сомнамбулическое состояние. Когда все

окружающее меня - воспринималось словно бы во сне. И каким-то краем сознания я начинал подозревать, что все на самом деле и не совсем так, как это виделось мне. Как я желал это видеть. И в реальности - окружающий мир совсем даже другой.

.....

Окружающий мир, конечно же, был точно таким же. Он вообще был что-то наподобие категории постоянства. И уж наверняка почти совсем не изменился.

И тогда уже отличным был мой взгляд на этот мир. Когда все мне виделось совсем не так. и я вскоре действительно легко запутывался в том, что происходит. Ну так уж выходило...

Глава 5

Заканчивалась театральная постановка. Валерий Дмитриевич мог быть доволен. Зал аплодировал. Актеры играли с самоотдачей. И даже внезапно исчезнувшая художница по костюмам как будто и не вносила такой уж большой печали в его сознание. Хотя и сознание было немного случившимся фактом омрачено. Но лишь потому, что не любил Валерий Дмитриевич, чтобы что-то случалось не так, как он это рассчитывал. Выходило из-под контроля. Потому что... Потому что невероятно нравилось Валерию Дмитриевичу контролировать происходящее. Не желая, чтобы хоть что-нибудь нарушало единый складывающийся ритм. Внося в него хоть какую-нибудь хаотичность.

Валерий Дмитриевич даже актеров заставлял играть пьесы так, как было написано в оригинале. И ставя постановки драматургов прошлых лет - Таганкин (немного смешной фамилией он не всегда был доволен) ни на шаг не отходил от текста. Так же как и в жизни. Но не в сексуальных отношениях. Где Валерий Дмитриевич Таганкин любил (и всячески поощрял) любые фантазийные повороты. Нисколько не считая это хаотичностью и нарушением порядка. А даже всячески подбадривал партнерш, совершавших подобные действия. И сам на интуицию полагался больше, чем на какой-то самый достоверный расчет. Которого, по его мнению, в подобных отношениях и быть не должно. И уж тем более нельзя было к этому относиться как-то, кроме как - к приемлемости. Исключительной приемлемости всего, что происходило.

.....

Режиссурой Валерий Дмитриевич занялся скорее не по некоему велению сердца, а из-за невозможности пребывать в мире реальности.

Я могу даже сказать, что ничего более, нежели как воспринимать окружающий мир только лишь с позиции какой-то театральной постановки ("Весь мир театр, в нем женщины, мужчины - все актеры") Валерий Дмитриевич не мог. И даже, наверное, не хотел. Скорее даже не хотел. Притом что кому-нибудь со стороны и почти невозможно было сказать, насколько Таганкин был прав или заблуждался. Скорее, он как бы (почти

сознательно) не улавливал реальность. И при этом словно бы желал обратного. Стоило только этой самой реальности повернуться к нему другой стороной. И тогда уже ему действительно не оставалось надеяться уже ни на что. Словно бы подсознательно не желая, чтобы происходило как-то по другому.

Глава 6

--Стоило ли жить?

Асоль стояла на краю платформы метро. Рассуждая про себя, что было бы хорошо всего одним шагом избавиться от всего. От всех своих несчастий. На которые она себя обрекала, наверное, собственной глупостью. Но не знала никакого выхода (продолжая верить, что тот должен быть) из всей этой ситуации затуманенного разума.

Асоль знала,-- чем больше она будет размышлять об этом, тем, собственно, хуже будет для нее.

Потому что она словно провоцировала события - к началу непредсказуемости их совершения. Нисколько (в душе) не веря, что чего-нибудь (из надуманного) не произойдет. А тем более не веря в то, что когда-нибудь можно будет совсем избавиться от чего-то... Надуманного уже получается. Надуманного. Того, что никогда бы и не произошло, если бы Асоль достаточно явственно не вызывала образы происходящего в собственном воображении. Уже совершенно запутавшись: желала или не желала она - чтобы это происходило.

.....

На самом деле покончить жизнь самоубийством Асоль никогда бы не смогла. Все это было как-то выше ее сил. И ей словно бы и не хотелось, чтобы когда-нибудь что-то похожее бы произошло. А все потому (как говаривал ее дед), что она всегда в большей мере любила себя. Нисколько не желая расставаться с собственными иллюзиями. И не веря, что с ней в действительности хоть что-нибудь может случиться.

Ничего такого с ней произойти не могло. И если бы мы не знали что она умрет - наверное продолжали бы с легкостью ей верить. Сами же вгоняя себя подобной верой в некое фантазийное безобразие. Выходом из которого могла быть лишь только настоящая правда, к которой Асоль, в общем-то, совсем и не стремилась. Предпочитая жить в надуманном мире. Мире иллюзий. Мире снов и фантазий. Фантазий в том числе и наяву. Греза и не ведая, что это грезы. Лишь грузы. По сути - обман.

Глава 7

Зачем я все-таки ее убил? Мне кажется что я до конца и не хотел, чтобы это происходило так. Насмерть. Хотя уже могу быть почти уверен, что желание нечто похожего видимо достаточно глубоко сидело в моем подсознании. И какая-нибудь совсем неожиданная причина видимо вызволила его наружу. Так что вскоре это осуществилось в реальности. В неожиданной мной реальности.

Ну на то она, должно быть, и реальность, чтобы происходила совсем независимо от каких-либо причин. Да все

случилось словно бы само собой. И я совсем не удержался, нанося ей те удары, от которых Асоль, собственно, и скончалась.

Когда она умерла, я какое-то время продолжал насиловать уже видимо мертвое тело. Но словно бы совсем не замечал этого. Будучи погруженным в своем воображении в совсем иной мир. Не тот, что окружал меня.

Потом я изнасиловал ее еще раз.

Асоль уже не отвечала мне взаимностью. И я тогда впервые усомнился в том, что она блядь. Потому что по мне - женщина с подобным миропониманием (наличие которого я представлял в ней) совсем не могла ни на что не реагировать. Хотя я уже не целовал ее. А только лишь - положив на спину - входил в распахнутое лоно женщины. Изливая туда то последнее, что во мне осталось. И наверно действительно еще не понимая, что происходит.

.....

После Асоль, подобное я проделывал сотни и тысячи раз. И добрая полусотня из них приходилась на тех женщин, которые никогда уже не будут живыми. Потому что, по крайней мере для меня, они умерли. Умерли в моем сознании. Перестали существовать. А как уже было на самом деле...

.....

Помнил ли я всех этих женщин? Да, конечно же, помнил.

Пусть память и несколько стерла очертания их лиц. Ну и, конечно же, их фигуры. Хотя я старался и не изменять своим вкусовым пристрастиям. Подбирая по единому телосложению. С так сказать, общим типажом и такими же общими размерами груди, талий, бедер... Длиной ног и весом тела.

--Одно из подтверждений того, что являетесь маньяком именно это,--заговорщески подмигнув мне, порадовал меня как-то следователь.

Сказать ему, что у меня-то как раз все выходило спонтанно и вроде как неосознанно, я не решился.

Мне, если честно, вообще не хотелось особо говорить со следователем. Наверное, я все-таки больше был ориентирован на то, чтобы именно суд решил мою судьбу. И какие-то мысли о расследовании совершенных мной преступлений (а это были и на самом деле преступления, потому как я преступил закон) со стороны следственной части мне казались если не преждевременными, то уж точно совсем не нужными. Для меня. Просто потому, что как раз мне они были не нужны. Безразличны. И уж точно, что не оказывали на меня никакого воздействия. В то время как я интуитивно угадывал давление, оказываемое на меня. И как мог (по-своему) с этим боролся.

Сказать, что я хотел предстать перед судом каким-нибудь честным малым - означало заранее говорить неправду. Да я и не стремился к этому. Словно (опять же - подсознательно)

подозревая, что ничего больше того, что рассказал им,-- особенно исходя из того, что все пока держалось только на моем признании - и ни одного трупа они так и не нашли,-- им не только не известно, но они и не найдут. И не потому, что плохо искали (и до сих пор ищут), а просто есть на все определенные причины, говорить о которых мне бы сейчас совсем не хотелось. По крайней мере, пока это я считал преждевременным. Ну, так уж выходило.

Хотя я, конечно же, и не мог так уж до конца отпустить эту тему. Рассчитывая все же найти именно свою истину. Которая, вероятней всего, скорее могла бы быть, чем существовала на самом деле. И даже если бы очень того пожелал, до конца отрешиваться бы от нее я никогда не смог. Не смог бы себе позволить. Ну, так уж действительно выходило.

Что мне следовало бы сказать, если бы я имел в виду распознавание неких судебных композиций, скрывающихся за человеческой жизнью. Да и сколько бы тогда передо мной предстало этих жизней? Наверное, даже и не решусь никогда ответить на эти вопросы. По крайней мере, пока делать этого не стоит. Словно бы интуитивно предполагая, что существует еще масса деталей, в которых мне предстояло разобраться. И уже даже несмотря на это (да и на желание чего-то подобного), я и ничего на самом деле не хотел. Ну, или уже действительно и не мог желать.

И конечно же, совсем не в силах был сдерживаться, если бы еще когда-нибудь это повторилось. А вскоре это и повторилось. И Зельфира оказалась второй женщиной из моего списка. Притом что сам список, разумеется, я не вел. Совсем не

вел. И попадали люди туда весьма спонтанно. Словно бы неожиданно для самих себя. Ну и для меня разумеется.

А вот то, что происходило с ними после - должно быть напоминало какое-то странное, и уже получается преднамеренное ("более чем преднамеренное", -- по уверениям следователей) убийство. Убийство и изнасилование. Изнасилование, а затем убийство. Притом что на самом деле никакого изнасилования никогда и не было. А само убийство если и случалось, то я в этом уже как бы был неповинен. Не повинен, потому как совсем не принимало в этом участие мое сознание. А происходило все более чем на бессознательном уровне. И было так, словно бы уже даже ничто и не могло бы происходить иначе. Как-то иначе. Непреднамеренно, получается...

...Но следователи нисколько не желали верить в подобную трактовку вопроса. Так же как не хотели верить и совсем ни во что. А все, что происходило со мной, рассматривали как какое-то (в лучшем -- для меня -- случае) нелепое сочетание обстоятельств. В котором я если и повинен был, то только лишь потому, что меня удостоила судьба родиться. Тогда как на самом деле...

А на самом деле все эти женщины отдавались мне сами.

А Земфира так и вовсе казалась мне более чем страстной особой. И познакомившись совершенно случайно возле барной стойки кафе, где работала она официанткой, я уже решил совсем не сдерживаться в ответ на ее желание пососать мой член. Тут же. Почти тут же. В кафе. Пригласив меня за какой-то надобностью в

кабинет. А на деле найдя лишь повод добиться, чтобы никого со мной рядом не было. И почти сразу набросившись на меня, выпустив из джинсов мой тотчас же принявший рабочее состояние пенис, и начав сосать его с творческой самоотдачей и сексуальным неистовством.

И по всему - явно соскучившись по столь приятному для нее занятию. Что видимо так на самом деле и было. Потому что... Потому что она стала проделывать такие манипуляции языком и губами, что аж дух захватывало.

Правда, когда она сказала в ответ на мою благодарность, что это ее обязанность, я несколько удивился, и решил считать, что попросту не расслышал правильный ответ.

Тем более что больше Земфира уже ничего не говорила. Она молча делала свою работу, и ее лицо выражало исключительную умиротворенность. Ну и страсть, конечно.

.....

--Давай, мой милый,--женщина отчего-то называла меня так. Да и не только меня. В этом я уже не сомневался. А давал лишь возможность ей почувствовать себя полновластной хозяйкой ситуации. Ну и, разумеется, как раз именно в этом образе, в котором ей и хотелось предстать больше всего. Потому что включались при этом какие-то подсознательные механизмы. О которых большинство таких простых людей как она - и не догадывается. Но которые всегда бывают им благодарны. Словно бы в душе и самостоятельно подозревая, что это выведет их совсем на другой этап развития. Приведа к чему-то по настоящему

большему. Сопутствуя достижению его. И веря, что так действительно произойдет.

Я навис над лежащей на спине обнаженной женщине. Она была худа и стройна. Груды ее были небольшими, но достаточно упругими. А соски торчали, и желали испытать на себе ласковое прикосновение мужчины. В то время как мое внимание было по настоящему приковано к вульве женщине. И продолжая еще какое-то время разглядывать ее, я уже не мог сдерживаться, ощутив как девушка обхватила губами мой член. И опустив свое лицо ей между ног, я стал жадно всасывать в себя плоть женщины.

Женщина извивалась и явно желала чего-то большего. Тем не менее я довел ее до оргазма всасыванием в себя ее половых губ и клитора, сам с трудом удержавшись, чтобы не кончить ей в рот. А потом повернул ее на живот, и уже вошел сзади. Предварительно смазав небольшой глазок между ягодиц специальной жидкостью. Оказавшейся весьма кстати под рукой. И мой член скользнул в нее не ощущая совсем никакого препятствия. И в течении почти получаса чувствовал себя явно фаворитом в том месте где оказался. А распластанная передо мной женщина только непрерывно кончала, плакала, и стонала от удовольствия. Умоляя меня ни в коем случае не останавливаться. Что я делать был вовсе и не намерен. По настоящему желая ее, и продолжая свои телодвижения ровно до того момента, когда уже совсем не мог (не был способен; решил что достаточно) сдерживаться. Излив в ее анус свое семя. Чем доставил своей партнерше неопишемое удовольствие.

.....

В последующие дни у нас все продолжалось примерно по схожему сценарию. Причем мне уже было как-то и неловко выслушивать благодарность женщины. Но в ее глазах и на самом деле стояли слезы. Слезы радости, удовольствия, и испытанного наслаждения. А я хотел ее тоже поблагодарить. Ведь уже в любом случае, в сексе между мужчиной и женщиной (так же, наверное, как между мужчиной и мужчиной, и женщиной и женщиной) присутствует некий обоюдный аспект достижения совместного удовольствия. Когда мы становимся благодарны друг другу. Испытывая даже нечто большее, о чем можем сказать. Да и, наверное, больше чем можем почувствовать. Потому как добрая часть угадывается нами на некоем интуитивном уровне. Подсознательно. Словно бы происходя на самом деле. Но, на самом деле не осознаваясь.

Все потому, что не пропускаем мы это через сознание.

Но это наверное как раз и замечательно. Потому что все словно бы происходит в некоем нейтральном, сомнамбулическом трансе. Когда перед вами как будто и самая настоящая реальность. А то же время вы понимаете, что на самом деле и не до конца все понимаете. И даже, наверное, совсем не все понимаете.

Но несколько не переживаете из-за этого. Ощущая в себе какое-то внутреннее (разливающееся по телу) удовольствие. И несколько уже не решаясь сдерживать это. Позволяя протекать все в едином ритме. Все также совсем и неосознаваемое вами. И только как-то интуитивно желаете, чтобы все продолжалось как можно дольше. Где-то краем сознания предполагая, что все будет

только еще лучше. И плоть насаженной на ваш член женщины - лишь только еще больше отзывается источаемой благодарностью.

А мне уже было вроде бы и неудобно.

--Какой сентиментальный убийца,--подумаете вы. Но я скажу вам, что совсем даже (и никогда!) не предполагал быть им. Я даже не осознавал, что являюсь таковым. И в действительности я совсем не отдавал отчет - что происходит нечто странное, ужасное, и непредсказуемое. А мне, наверное, было и совсем ничего не понятно.

А что я тогда по настоящему желал? Да не знал я своих истинных желаний. Что-то предполагал, конечно. На что-то, наверное, рассчитывал. К чему-то, разумеется, стремился. При этом спроси меня: что? И не отвечу с ясностью -- что же...

Потому что жизнь моя проходила в какой-то прострации. И с каким-то непредсказуемым неистовством я набрасывался на новых женщин. Которые какими-то загадочными (по неожиданности возникновения) шеренгами вырастали передо мной. И всех я почему-то должен был ебать, ебать, ебать. Именно так. Именно подобным сленгом обозначилось то, что проделывал я с ними. Ибо иначе это никак вроде и назвать было нельзя. Да и не возникало в голове моей новых слов. Тогда как я понимал, что то, что происходит между мной и ими - не иначе чем траханьем и не назовешь. Причем как-то складывалось так, что мне попадались исключительно какие-то сексуально обеспокоенные дамочки. Которые если и сдерживались поначалу, то налет какой-то внешней строгости и недоступности совсем слетал с них, лишь только чувствовали они что между нами произойдет самые что ни

на есть сексуальные отношения. И их подкупало, наверное, то, что со мной можно было говорить совершенно обо всем. Ибо в первую очередь я воспринимал женщин (как, должно быть, и всех людей) как нечто, ниспосланное мне для анализа. Для психологического анализа. Ибо всегда ставил на первое место именно распознавание таящихся в каждом человеке (индивиде, уже получается) желаний (пусть и не всегда это были именно сексуальные желания). И уже на осознании этого - строил свои отношения с этим человеком. Где зная, а где и интуитивно (также как и сознательно) добиваясь то, чего этому человеку действительно хочется. Но в чем, быть может, не мог он никогда признаться даже самому себе. А тем более - еще кому-то.

Тогда как мне они признавались. Признавались, испытывая какое-то удивительное облегчение. И в тайне радуясь в своей душе от этого. И, должно быть, желая даже повторения.

Отчего я понимал, что будут испытывать они по отношению ко мне даже больше, чем привязанность. А они (словно и не подозревая об этом) как бы уже обрекали себя на почти извечное общение со мной. Общение, где помимо ярко выраженного (в большинстве случаев - ярко выраженного) сексуального аспекта, присутствовал и духовно-моральный. И ничего уже не было более приятного, нежели чем осознание подобного единения тела и духа. Единения, к которому наверняка каждый стремился. Пусть даже так и не сумев себе признаться в этом.

.....

Земфире было 27. И она хотела уйти со своей работы официанткой. Считая, что вполне заслуживает и большего. Работы танцовщицей-стриптизершей, например.

Но уж я то знал, что уйдет или не уйдет она с этой работы - совсем не играет никакого значения. Потому что главным в желании девушки -- было испытывать постоянное восхищение со стороны мужчин. И наверное с этих позиций ее и следовало рассматривать.

Ну а я, конечно же, как мог, ей помогал.

Хотя и ровно до того момента, как девушка неожиданно не исчезла.

И только через несколько лет я узнал, что ее вообще больше нет. И именно мне - инкриминируют ее убийство. И -- изнасилование.

В то время как насилия не было. А если оно и было - то лишь по обоюдному согласию. По согласию, угаданному мной у девушки. У обнаженной (хотя, тогда пока еще, быть может, и не совсем обнаженной) девушки. Девушки, которая просто мечтала (тайно и страстно желая этого) быть растерзанной, униженной, и оскорбленной. И пусть последнего я в полной мере не допускал. Но если предполагал, что это (между нами) и действительно игра, то уже почему бы, собственно, и нет. Тем более если женщина и на самом деле жаждет этого. Желает предаться со мной самому что ни на есть наслаждению. Довериться своей страсти. Чтобы эта самая страсть уже ни за что не отпускала ее. Чтобы разгоралась у нее между ног пламя. А мой член - выступал в роли пожарника. Внедряясь своим шлангом в очаг пожара, и через время на миг усмиряя желания, а на самом деле только еще больше распаляя

его. Огонь сексуального желания, которое никто из нас двоих не хотел в себе подавлять. А уж что до меня, то я вообще не собирался этого делать. А даже наоборот - с каждым разом все более яростей врвался в лоно женщины. Доставляя тем самым ей именно то наслаждение, которого она так долго ждала. Но по каким-то (зачастую, совсем независимым от нее) обстоятельствам доселе не получала. Не решаясь в этом признаться.

Глава 8

Ну что я мог сказать обо всем этом? Наверное, и так все выглядит достаточно странным. А то и вовсе каким-то туманным и загадочным. Вернее - все больше туманным и загадочным.

И чтобы до конца мне в чем-нибудь разобраться, так наверное не хватало и совсем чего-то самого минимального в моем сознании. словно бы необходимо было чтобы защелкнулся какой-то трамблер. После чего скорость анализа реакции перестала быть такой уж переменной величиной. А мне стало бы значительно легче что-либо понимать в этой жизни.

Забавно... Я вроде как все время стремился к пониманию. И в то же время от этого же и удалялся. словно в самый последний момент не решаясь в чем-то признаться себе.

И меня периодически отбрасывало на какой-нибудь прежний уровень. Или уровень еще более ранний, с которого, быть может, когда-нибудь все и начиналось. А я опасался тогда даже сделать первый шаг. Зная, что через какое-то время придется вновь - возвращаться обратно.

Что это на самом деле было?

Почему я так реагировал на жизненные обстоятельства?

Почему мне в душе, быть может, ничего по настоящему и не хотелось. Но я совсем не мог удержаться, чтобы не пытаться испытать наслаждение с той или иной женщиной. Причем, как я уже понимал, испытываемое удовольствие почти и заключалось лишь в одном: в насилии над женщиной. В той или иной форме сексуального безумства. Когда я мог быть уверен, что для меня не составит большого труда навязать какое-либо нужное решение, витающее у меня в голове, в сознание девушки или женщины (весьма условная, кстати, градация на женщину и девушку может иметь такое же условное выражение в какой-нибудь или достаточно существенной разнице в возрасте, или же преодоления - или не достижения - определенных возрастных позиций). И как раз наверное это и имело превалирующее значение в желании (и наверное - спровоцированности) моих контактов с женщинами. При этом я мог говорить, что это же - являлось и причиной неких поддерживающих категорий общения с ними. Потому что случись как-нибудь иначе - и наверное сбежал бы. И не захотел бы ни с кем-то общаться. Словно бы и не предполагая даже, что возникнет какое-то похожее у меня желание.

Но это будет уже действительно много позже. Тогда, когда мне совсем и не удастся к тому времени выпутаться из создавшейся ситуации. И я словно бы совсем потеряю какую-либо связь с реальностью. Потому что будет это весьма туманно и ненадежно. А мне, чтобы что-нибудь изменить, потребуется и совсем уже неизвестно сколько времени. И будто бы (потом, это уже все потом) не будет повода совсем в чем-либо усомниться; и

словно бы в действительности это было так. Но уже действительно много позже. А пока...

.....

Линда сидела на диване в приемной ректора вуза в котором преподавала на кафедре истории, и молчала. Да и о чем она должна была говорить? Все силы она собиралась сберечь на потом. Потратить на разговор с ректором. Ведь как она выяснила - ректор ее родной отец. Которого она не видела 25 лет. Сейчас девушке было тридцать.

Уместной ли была такая встреча?

Ей говорили что нет. Говорили те несколько подруг, которым она рассказала о том, что неожиданно нашла своего отца. И что хочет с ним встретиться. А они - отговаривали ее. Но... Линда никогда никого не любила слушать. Она вообще предпочитала главным образом доверять себе. Потому что знала, что на самом деле все, что происходит в ее жизни - она знает лучше, чем кто-либо. Хотя бы потому, что окружающим было совсем неизвестно о множестве тех мельчайших деталей, о которых она предпочитала не распространяться. Зная наверняка, что никто ее толком и не поймет (расскажи она об этом). И она только всем этим значительно усугубит ситуацию. Потому что Линда никогда никому в полной мере не верила. Считая, что люди даже не то, что хотят ее обмануть (такое подумать она бы никогда не решилась), а просто могут какими-то своими неверными действиями сбить ее сознание с нужной волны. А запутаться в

окружающей действительности для Линды всегда было чуть ли не самым страшным, опасным, и самым что ни на есть - нежелательным. В то время как она, конечно же, подозревала, что путаница в ее мыслях будет еще не одна. И быть может даже случится так, что она когда-нибудь перестанет понимать происходящее. Потому что... Потому что даже сейчас для Линды становилось невероятно трудным собраться с мыслями. Выработать какую-либо одну концепцию поведения. Нащупать ту грань между реальностью и ирреальностью происходящего, за которой наступит что-либо совсем уж интересное и занимательное.

А с другой стороны, быть может и наоборот - ничто не произойдет. И она потеряется в потоке захлестнувших ее мыслей. Когда уже будет что-либо и трудно понимать. В чем-либо даже совсем невозможно отдавать какой-то отчет реальности. Тогда как...

Да уж нет. Она будет держать себя в руках. И ее уже зовут...

Линда, благодарственно улыбнувшись пожилой секретарше, прошла в кабинет ректора.

За длинным столом сидел совсем еще не старый и удивительно похожий на нее мужчина. Девушка даже опешила от неожиданности, не решаясь сделать еще шаг.

Но казалось что-то похожее испытывал сейчас и Вениамин Сергеевич. Разве только ему (в силу возраста и общественного статуса) привычнее было держать себя в руках.

Что он сейчас и пытался делать. И делать что -- ему было невероятно трудно.

Вениамину Сергеевичу конечно уже доложили о том, что нашлась его дочь.

По какому-то стечению обстоятельств она даже работала в том же вузе, который он возглавлял. А еще раньше - дочь закончила тот же факультет института, который когда-то закончил и он. Разве что ему после окончания института пришлось остаться еще и в аспирантуре. А его дочь сразу пригласили преподавателем на кафедру. Причем улавливать какую-то связь между Линдой Гудинчик и Вениамином Сергеевичем Захаровым - никто не собирался. Да никому и в голову бы никогда не пришло, что она является дочерью ректора. Хотя Вениамин Сергеевич знал (конечно же, знал) что у него где-то есть дочь. Но совсем не такой он представлял эту встречу...

--Вы разрешите?--взяла себя в руки девушка, сбив возникшую было пелену дискомфорта, который начал уже было расставлять свои сети.

--Да, да, конечно,--спохватился Вениамин Сергеевич.-- Проходите пожалуйста,--он встал из своего кресла и подошел к девушке. Но она уже опустилась на стул, и, постояв в нерешительности секунду-другую возле нее - Захаров вернулся обратно.

Его душу вновь стала заполнять неуверенность. Когда это случалось, Вениамин Сергеевич знал, что наступает самое тяжелое время. Потому что начинал чувствовать он тогда

изменения в организме. А начинавшаяся в нем тревожность - могла уже и вовсе отозваться чем-то нехорошим. Так что какое-то время было почти невозможно от этого избавиться. И ничего совсем не предвещало какого-либо завершения (начатого). Тогда как - почти точно также - ничего не предвещало и того, что ему удастся как-то по новому посмотреть на тот ход вещей, который его окружал. Быть может даже и нарушив прежний порядок.

Девушка молчала, уставившись на него.

Захаров предложил ей закурить, и пододвинул пепельницу. Потом, уже видимо смутившись этого ("и девушка, и дочь все-таки") пододвинул пепельницу к себе; а потом и вовсе убрал ее со стола. Зачем-то смяв пачку сигарет, которые нащупал в кармане пиджака.

Он вообще мог сделать какую-нибудь последовательную цепь неловкостей, которые обязательно случались, словно бы подстергая его всякий раз, стоило ему только оказаться в ситуации схожей с этой. Притом что такие ситуации он конечно же знал. Даже в какой-то мере рассчитывал на их возникновение. Но нисколько и не решался что-либо противопоставить им, когда они происходили. И лишь только когда они действительно случались - разводил руками, словно бы и переживая уже из-за этого.

--Я даже не знаю, зачем к вам пришла,--произнесла девушка. Она готова была в ту же минуту смутиться еще больше. И видимо ожидала сейчас реакции сидевшего напротив мужчины (внимательно - чуть шире обычного раскрыв глаза - следя за ним).

Но на Захарова напала совсем ненужная (как он чувствовал; он чувствовал это предательское замедление

собственных мыслей и движений) тоска. И он знал, что после этого (после наступления ее), уже может так случиться, что ничто какое-то время и не сможет вывести его из такого положения. Ничто, кроме как бутылки коньяка, стоявшей в его шкафу. И коньяк действительно в последнее время заменял ему многое. Давал тот глоток жизни, который быть может и помогал спасти эту самую жизнь. Словно бы предоставляя возможность какое-то время стать самим собой. Тем, которым он был когда-то. И каким себя давно уже и не помнил.

--Вы не возражаете?--девушка сняла пиджак. Теперь она осталась сидеть в одной лишь блузке. Из которой достаточно аппетитно просматривались две груди.

--Был бы я не твой отец - смотрел бы на тебя по другому,--пришла неожиданная мысль к Вениамину Сергеевичу, и ему тут же стало от подобной мысли стыдно.

--Мне сказали, что вы моя дочь,-- сам не ожидая от себя подобной смелости (но и совсем молчать уже было нельзя), сказал Захаров.

--Я тоже так считала.

Ректор посмотрел на нее взглядом, в котором недоумение читалось наравне со страхом.

--Дело все в том, что вы не мой отец.

--???

--Моя мать когда-то была вашей любовницей?

--???

--Но я все же узнала у нее, что от вас (взгляд подчеркнутой решимости договорить начатое) у нее детей не было.

--Так зачем же вы пришли?--обескуражено произнес Вениамин Сергеевич.--Зачем вы вносите сумятицу в мои мысли,-- каким-то непривычным (таким она его не помнила на заседаниях ученого совета, который профессор Захаров возглавлял) жалобным голосом пропищал он.--Разве вам неизвестно...

--Я не та, за которую себя выдаю,--наконец-то решив что пришло время чтобы открыть какие-то карты,--ответила девушка.--Я родная сестра (она назвала имя женщины, которая была хорошо известна Вениамину Сергеевичу Захарову, потому что являлась его любовницей).

Стул под мужчиной предательски зашатался, а он и вовсе готов был развалиться.

--Ничего не понимаю,--произнес Вениамин Сергеевич.--Если вы пришли только затем, чтобы мне об этом сказать?...--он как-то странно посмотрел на девушку.

--Да, да, понимаю,--согласно кивнула девушка.--Дальше вы можете сказать, что у вас много других забот. И что вы вообще не намерены...

--Я действительно не намерен...

--И что вы вообще не намерены выслушивать беседу с собой в таком тоне.

Профессор уже не перебивал, и лишь только слушал, чуть приоткрыв рот то ли от изумления, то ли от негодования. Которое все больше стало проступать на его лицо.

--Нет уж. Я прошу вас дослушать меня до конца,-- попросила девушка, словно предусматривая что-то похожее.--Кстати, если бы я не была вашей дочерью, вы бы наверное возжелали меня?

--Что?--переспросил профессор. От неожиданности вопроса у него сушило горло.

--Трахнуть меня хотите?--девушка смотрела какими-то широко открытыми глазами, и Захаров на минуту усомнился: действительно ли он слышит то, что слышит.

--Я... я...--так и не решился что-то сказать он.

Линда непонимающе смотрела на него. Ей казалось: она задала совсем простой вопрос.

--Вы давно работаете ректором?--повторила она вопрос, на всякий случай четче выговаривая слова, как будто действительно решив, что он не расслышал ее.

--Ректором?--переспросил Захаров ("разве она спрашивала это"?--подумал он. Хотя должно быть она действительно спрашивала именно это. Но тогда, то, что ему показалось?..

В свои 42, Захаров казался себе необычно развратным человеком.

Притом что таким он на самом деле и не был. И большее, что случалось в его жизни - ему действительно казалось.

Тогда как он ужасно боялся этого. Не считая и того, что этого действительно стоило бояться. И совсем недоумевая, если предположить, что он чего-то боится - почему так происходит.

--Я вам скажу вот что,--девушка еще раз посмотрела на Вениамина Сергеевича, но видимо уже решила, что она должна произнести это, и спросила его: знает ли он что она его дочь?

--Но ведь вы же...--Вениамин Сергеевич запнулся.

По всему выходило, что этих слов девушка действительно не произносила ранее. И сидела она сейчас в пиджаке. Тогда как (он же хорошо помнил) снимала его.

Но когда же она успела его надеть?

Или она, получается, и не снимала его?

Вениамин Сергеевич вдруг понял, что он совсем запутался. И на самом деле, если что и мог еще понимать, то это уже было ничтожно мало с какой-то реальной действительностью. Ибо эта самая действительность ускользала от него. Вдруг начала ускользать. И он стал терять ощущение какой-то реальности. Хотя и усилием воли возвращал (все время возвращал) себя обратно.

--Нет... Я уже наверное и не здесь,--профессор Захаров покачал головой, и что-то пробормотал в ответ на вопрос девушки, потому что ему показалось, что совсем невозможно молчать, и надо хоть что-то ответить.

--А я ведь вас и не об этом спрашивала,--казалось, Линда даже чуть-чуть обиделась.

По крайней мере она сморщила губки так, как в стереотипном мышлении, каким было подтверждено большинство из нас - люди (а особенно девушки - в понимании мужчин) вытягивают губки, когда чем-то недовольны. Но больше недовольны в каком-то показном варианте. А на самом деле очень даже все и не так. Разве что...

--Я, пожалуй, пойду,--Линда встала (Захаров инстинктивно приподнялся тоже) из-за стола, и сделала несколько шагов к двери. Секретарша словно ждала этого, и видимо подслушивая за дверью, тут же потянулась к двери, явно или собираясь ее открыть, или же - закрыть на ключ. Чтобы ректор мог

закончить с девушкой. Она знала, что Вениамин Сергеевич не любил, когда разговор обрывался на полуслове. Секретарь ректора была женщина немолодая. На своем веку повидала немало ректоров. И уже считала как бы своим долгом при возможности подслушивать их разговоры. Она это называла повышением образования.

Секретарь ректора также знала, что о зашедшей к нему преподавательнице ходят противоречивые слухи. И теперь представился случай все узнать из первых уст. Ну а потом, уже по ситуации, распорядиться информацией. Причем необязательно ее было разбалтывать кому-то. На первом месте стояла информация. И это было главное. Но пока информации не было. А та, которая была - окончательно запутала секретаря. Поэтому она решила под любым предлогом задержать девушку. Что, наверное, было не совсем этично. Хотя да этичности ли? Но как задержать девушку? Ведь не удерживать ее силой? Тогда как иначе это вроде как и не представлялось возможным. По крайней мере она не знала, как и что она должна делать. Хотя делать чего-то такого, разумеется, не хотела. Не собиралась. Но и дать ей уйти - не могла. А потому лишь...

А черт его знает, что она действительно была должна. И потому пожилая секретарь ректора только отступила, давая двери распахнуться от энергичного толчка немного возмущенной тем, что ей так и не удалось в чем-то признаться ректору (своему отцу?) девушки. И та зацокала каблучками по направлению к выходу. А все, кто оказался к тому времени в приемной - смотрели ей вслед. Молча смотрели и немножечко недоумевали. Совсем не желая лезть с расспросами.

А еще чуть позже вызвал секретаршу ректор. И та вышла от него через время, одергивая юбку и виновато сообщая, что сегодня Вениамин Сергеевич уже принять никого не может.

--Или не хочет,--подумала про себя секретарша, вспоминая возбужденный орган любви профессора, который она недавно ощущала в себе.

Глава 9

Трудно было сказать, насколько я способен был делать в то время какой-то анализ окружающей жизни. Ведь как вроде бы по всему выходило, что эта самая жизнь - мелькала передо мной с частотой быстро сменяемых друг друга кадров кино; так что если пытаться взглянуть в один - как будто и вовсе это не удавалось. В то время как проходило какое-то (порой совсем незначительное) время, и вы замечаете, что уже, вроде как, и жизнь прошла. И ничего в этой жизни вам больше не требуется. Потому что все потеряно. А вы не успели к чему-то, быть может, самому главному в вашей жизни. И то вдруг и вовсе перестали улавливать какие-то детали. Которые раньше являлись чуть ли не главными для вас, а теперь (как-то быстро и неожиданно) потеряли свою актуальность.

...Вы наверняка еще можете ухватить этот миг... Должно быть и не так, чтобы что-то навсегда потеряно... Но если думать уже только об этом, то наверняка ничего толком и не произойдет. Потому что сознание будет не в силах отмечать те детали, которые, как будто бы, были так нужны вам ранее; но на деле

оказываются какими-то ненужными и бесполезными... А вы смотрите вслед уходящей реальности - и готовы плакать от осознания того, что вы упустили что-то очень важное в своей жизни. При этом так и не разглядев, что же это было...

Иногда я не мог уснуть.

Одиночная камера, которую мне выделили, совсем не казалась для меня чем-то таким уж убогим и неприятным.

А еще я понял, что должен был, вроде как, и лелеять мысли, возникающие сейчас; в этой обстановке. Потому что наверняка ведь это был какой-то уникальный, по сути, момент. И ничего не могло уже повториться. Да, наверное, и не повторилось бы. Потому что... Потому что...

Странно это было все, по сути. Пусть я как-то и не желал (не особо желал; никогда особо и не желал), чтобы что-нибудь подобное возникало; но я совсем не мог удержаться от того, чтобы избавиться от ощущения какой-то неизбежности, надвигающейся на меня. Так, что мне уже совсем как вроде бы ничего и не оставалось, как смириться с ней.

И лишь только что-то удерживало от того, чтобы это никогда не произошло. Не случилось. Потому что случись на самом деле, и я бы уже совсем окунулся в какой-то неизведанный мир фантазийного безрассудства, который всегда сопровождал меня. И если я не мог в этом признаться осознанно (пропустив это через сознание), то наверняка это сидело где-нибудь в подсознании; так что через время мне уже действительно ничего не оставалось, как или смириться с этим (и тогда бы наверняка началось черт знает что),-- или же все-таки был хоть какой-то

шанс предотвратить все это. А передо мной встал бы совсем другой мир. В котором я, фактически, и пребывал. Но вот только мне постоянно что-то мешало признать это. Потому что признание это -- было равносильно сдаче. А сдаваться (по крайней мере, пока) я был не намерен.

.....

Мире было двадцать с небольшим.

Но к сожалению это была уже законченная блядь и наркоманка. Причем на удивление, все ее пороки почти совсем не сказались на ее внешности. И глядя на ее лицо, вы думали о том, что перед вами еще достаточно юная девушка. Которая и курила-то (она курила безбожно много, сигареты самых дорогих марок смешивая с марихуаной) как вроде бы только для какого-то внешнего эффект придания себе статуса независимости. А если и пила или употребляла кокаин, то это словно было и вовсе, в вашем представлении о ней,-- следованием какой-то неизвестной моде. Как будто и принятой в тех кругах, в которых Мира общалась. Потому что любовниками это девушки - были банкиры да министры. Потому что папа ее занимал весьма ответственный пост в правительстве страны. А до этого он был сенатором. А еще раньше - крупным бизнесменом-нефтяником.

Мира любила своих мужчин бесплатно. Мужчин было много. И некоторых из них она совсем не помнила. И даже не из-за того, что постоянно находилась в каком-то бреде (хотя так это в какой-то мере и было. Девушка просто не успевала стать на

рельсы какой-то реальности. А если становилась - ее все равно шатало). А скорее потому, что не мыслила Мира своей жизни без участия в оргиях. Которым предавалась, совсем не задумываясь, к каким это может привести последствиям. Да и действующие лица всех этих сексуально-порнографических игрищ были достаточно высокопоставленные лица. Которые занимались с этой девушкой любовью, видимо, теша свое самолюбие. И "имея" ее - представляли, что точно также сношают ее папу. Которого боялись из-за положения того.

Вечеринки большей частью были закрытые. И туда ни то что никто не мог проникнуть из посторонних, но и даже те, кто там оказывался, до конца не осознавали, чем они тут все занимаются. Ну, по крайней мере, не отдавали отчет, что занимаются чем-то странным и нелепым. А наоборот, уже словно бы психологически заряжались от действия. Пребывая в предвкушении присоединения к каким-то удивительным слабостям интимной жизни. Саму эту интимную жизнь несколько не воспринимая как нечто недозволенное. Жажда, чтобы нечто подобное продолжалось если не вечно, то уж наверняка пока у них будут силы. И эти силы подогревались спиртными напитками, табаком и наркотиками. А поэтому действительно такие люди брали от жизни все. А Мира - наблюдая за сорока и пятидесятилетними мужчинами, извивающимися от того, как она ласкает их член - радовалась за них. Чувствуя какую-то над ними власть. И словно бы в благодарность от подобного ощущения - позволяла им проникать в свои самые потаенные места. От чего мужчины млели и плакали от счастья. Ну, или это она плакала.

Все чувства и эмоции смешивались таким образом, что уже невозможно было понять ни многое, ни что-то в отдельности. А Мира... Мира становилась на четвереньки, прогибала спинку, и оттопыривая попку -- поглядывала назад, ожидая, кто первый ворвется в нее изголодавшимся членом. Ведь под действием алкогольно-наркотических стимуляторов для мужчин каждый раз был словно первый. И Мира искренне радовалась этому. И предаваясь разврату, думала только о хорошем.

И старалась она удерживать в себе это психологическое состояние уверенности от обладания мужчинами. Ощущение власти над ними. И невероятно нравилось ей, что все происходит именно так. Нравилось, что она чувствует себя некой значительной особой. Не только доставлявшей мужчинам удовольствие, но и делающим все так, чтобы мужчина понимал, что без нее такое удовольствие он бы уж точно не получил. И не испытал того, что он испытывал сейчас от своего каскада наслаждений. Да и что уж точно, он, этот гипотетический мужчина (хотя перед Миррой все мужчины были реальными), благодаря сексу с ней возвышался в своих глазах. Глазах, которые затуманивала страсть и похоть. И пелена, от невероятной чувственности, развивающейся в нем.

Вообще же, мир современных миллионеров новой России (в кругу которых вращалась Мира, и добрая часть которых зависела от ее отца) словно бы и предполагало участие в каких-то грандиозных сексуальных проектах. Потому что наверняка мало им было тех сексуальных утех, что могли дать им их молодые жены или любовницы. И относились они к последним с

покровительством. Тогда как совсем другое было трахать дочь своего начальника. Тем более что дочь эта, зачастую, находилась в таком состоянии, что и не помнила всего. Да и сама чуть ли не набрасывалась на вас, желая чтобы ее непременно - и во все места - ебали.

И пусть, конечно, она не могла за раз пропустить через себя слишком много мужчин (наверное бы лопнула от счастья и спермы), но и тех которые были - было вполне достаточно, чтобы чувствовать себя каждый день в должной мере отъебанной и выебанной. И испытывать от этого радость и безмерное счастье.

.....

Я познакомился с Миррой совсем еще не зная, что она и была та знаменитая Мира, о которой уже тогда ходили слухи в определенных кругах.

Поначалу мне эта девушка не показалась настолько сексуально желанной, что ради нее можно было бы потерять голову. Тем более что было у меня достаточно постоянных любовниц, с большинством из которых я вполне мог делать что захочу.

А тут такой подарок. Аленький цветочек.

Но чуть позже, присмотревшись к этой загадочной девушке (в ощущении ее загадочности видимо имел место стереотип, что она действительно такая), я неожиданно увлекся ей. И никогда не задумывался, занимаясь с ней любовью, что кроме меня подобное с ней делает еще кто-то. И о ревности совсем еще нельзя было говорить. Потому что я вообще не знал, что такое

ревность. Хотя, помнится, в юности и не совсем прошла меня стороной эта болезнь, в своих крайних проявлениях символизирующая о психическом отклонении.

И так продолжалось видимо до тех пор пока я не осознал, что это так. И решил уже от подобного - в срочном порядке - избавиться.

Но быть может самым удивительным могло показаться то, что начала меня ревновать сама Мира. И подобное мне было, конечно же, совсем не нужно. А потому я предпринял все (вплоть до прямого разговора с ней), чтобы объяснить девушке, что кое-что в наших отношениях совсем не приемлю. И Мира... мне показалось, что поняла. Хотя и продолжала ревновать по-прежнему. А я стал чередовать секс с ней с кем-нибудь еще. Также как, впрочем, и она. И со временем все более-менее устаканилось.

Глава 10

Я стоял в некой нерешительности перед высоким старинным санкт-петербургским зданием. По всему выходило, что я в это здание должен был войти.

И я даже знал, на какой этаж должен был подняться. И даже дверь мне более-менее виделась. Но... Но я совсем не помнил, зачем сюда пришел. И если выходило, что пришел не случайно, то надо было срочно ответить на вопрос - для какой надобности пришел. И если допустить, что когда шел, была у меня цель (а я помнил, что была), то теперь по всему выходило, что я запутался. И не знал - где я.

Мне казалось, что я потерял память. Ну, или что со мной начали играть шутки какие-то уж и вовсе злобные силы. Смысл и цель действий которых пока не складывался во что-то конкретное в моем сознании. И я только мог вопрошать: что же здесь действительно происходит?

И не было ничего, чтобы натолкнуло меня на какую-нибудь нужную мысль. И мне на миг показалось, что сейчас меня более чем когда окутывает мир бессознательного. Который властвовал уже как вроде бы и сам по себе. Совсем не считаясь с моими какими-то желаниями, или представлениями о чем-либо. И словно ничего конкретного не предполагая, я пребывал в каком-то особом сомнамбулическом состоянии. Нисколько не решаясь надеяться, что это когда-нибудь закончится. А жизнь моя изменится. И будет все совсем по-другому.

Странное это было время. Я сейчас вспоминаю об этом, и меня ничто не успокаивает, что и раньше ничего подобного не могло произойти. Нет. Я не понимал, пусть я не понимал, почему это случилось, но ведь не было у меня возможности что-либо предусмотреть. Как-то не допустить ситуацию. Не допустить возникновение этой ситуации. Предполагая что когда-нибудь все будет совсем иначе.

.....

Кто я был по профессии? По призванию я был педагог. Работал преподавателем на кафедре философии. Для этого

закончил философский факультет университета, аспирантуру, и защитил диссертацию.

Но должно быть с таким же успехом я способен был придумать еще сотни профессий, в которых якобы принимал участие. Тогда как на самом деле...

Режиссер я был на самом деле. Театральный режиссер. Ибо после получения философского образования - закончил еще и театральный вуз. И совмещал две эти специальности (преподавание на кафедре философии и театральную режиссуру), совсем не представляя себе, что может быть как-то иначе. Ну, то есть, совмещать и не чувствовать, что накладывает все это на меня какие-то дополнительные обязанности. А тем более являет собой какую-то дополнительную сложность. Нет. Все как раз было слитно и гармонично. И меня (главное ведь, наверное, что меня) все устраивало. А значит...

Нет. Сейчас, находясь в тюрьме в ожидании приговора (в неизбежности которого я совсем не сомневался), меня как будто бы и не сдерживает (абсолютно ничего не сдерживает), чтобы говорить неправду. Тем более неправду я никогда не говорил и раньше. А сейчас... Сейчас я даже заинтересован вспомнить все. Чтобы, быть может, уже своими воспоминаниями облегчить душу. Избавиться от груза ответственности. От давящего груза ответственности. Ибо воспоминания мои на самом деле настолько печальны, что появляется от них совсем уж нехорошая тревожность. Которая, конечно же, не приносит ничего, кроме как - нового беспокойства. От которого уже не нахожу я избавления. И пребываю в нем. Совсем не ожидая, что когда-нибудь все

прекратится. Тогда как по настоящему нахожу я избавление от этого - когда происходит нечто навроде сублимации. И весь тот негатив, который скапливается во мне - сублимируется в какие-либо мои поступки. Формируя нормы поведения. Из которых...

Глава 11

Валентине нравился этот мир. Пусть кто-то говорил, что смотрит она на него какими-то наивными и детскими глазами. Но ведь это на самом деле было и не так. И глаза у нее уже были не юные (в 37 совсем не юные), и взгляд более-менее осознанный. И вовсе даже не патологически блядский, как считал кто-то. Отчего же он мог казаться блядским? Валя даже немного обиделась. Нет. Совсем нет. Совсем даже нет. Хотя и подозревала она, что подобное мнение могло родиться (в мыслях других) от того, что Валя любила мужчин. Но она ведь и действительно их любила. Очень любила. Любила настолько, что не мыслила себе и дня без секса с каким-нибудь представителем мужского пола. Без самого откровенного секса. Но ведь как раз из-за этой самой откровенности... в этой самой откровенности... если бы не было этой самой откровенности - для Вали было бы неинтересно и все остальное. Была бы, может, неинтересна и сама жизнь. Потому что жизнь эту видела Валя в сочетании успехов и падений. И если падения быть должны - то желательно, чтобы они были падением в постель. А взлеты... А взлеты у нее и так случались каждый раз в момент оргазма. Притом что первый оргазм она уже начинала испытывать после ощущения в себе мужского члена. А иной раз - и только от представления подобного. Представления как в нее,

---

словно в туннель, ворвется состав, мчащийся на огромной скорости. И совсем не будет ни сил, ни желания отвлекаться на что-то потустороннее. Замечать какие-то (совсем не существующие) детали. И пусть кто-то это презрительно называет траханием. Это на самом деле была жизнь Вали. Жизнь 37-летней женщины. Которая лишь только последние 10 лет осознала, что может испытывать наслаждение от секса. Неопишное наслаждение. И удовольствие. Огромнейшее удовольствие.

За это удовольствие она была бы способна предать Родину. Но не была Валя ни разведчицей, ни шпионкой. И совсем никто (в ее окружении) не ставил на карту секс - в обмен на получение какой-то тайны. Получения удовольствия - это да. Удовольствие и хотел и испытывал мужчина. А вот тайны... Да какая еще нужна была тайна? Хотя если и так, то, что проделывала Валя в постели с мужчинами - было сродни таинству.

И хотелось мужчинам, чтобы постоянно Валя проделывала с ними подобное. И они верили - что любят ее, а она - их. И находили все они половую жизнь весьма и весьма актуальной. И для них (для Вали и ее мужчин) было совсем немисливо, что может это когда-нибудь прекратиться. Закончится. Исчезнуть то, что так неожиданно вошло (для всех занимающихся любовью с Валеи) на первый план. И без которого уже действительно никто не ощущал себя.

.....

Мужчины Валентины Матовой действительно испытывали на себе притягательную силу этой женщины.

И ведь совсем нельзя было говорить, что у нее что-то было такое замечательное, что они не могли увидеть в других женщинах. Но уже даже и говорить так - было совсем неправильным. Потому как Валя - была женщина загадка. И при каждом общении и с ней (а общение главным образом сводилось к сексуальному) - все время хотелось найти какую-то разгадку всему этому. Как будто каждый раз вы находились на пороге какой-то тайны. Проникнув за завесы которой - перед вами мог открыться совсем другой, новый и увлекательный, мир. Мир невероятных ощущений. Когда все увиденное поражало. И казалось, что ничего подобного вы не видели раньше. А таких ощущений - не испытывали. И вообще, то, что было с Валею - было для вас словно в первый раз. И не могло быть иначе.

.....

Опустившись на локти, женщина прогнула спину так, чтобы самая увлекательная часть ее тела предстала перед замороженным -- увиденным -- взором мужчины.

Женщина внутренне ощутила произведенный эффект. Всего пару часов назад она прошла лезвием по сбритым накануне волоскам, обрамляющим ее половые губы, возбуждись от прикосновения освежающего крема, и не удержавшись, чтобы минуту-другую не помассировать-погладить их, разрешив своему пальчику сделать несколько кругов вокруг своего клитора. Тот легко отозвался на прикосновение, и женщина - не дав себе испытать окончательное удовольствие, разрядившись

оргазмом -до сих пор еще пребывала в состоянии легкого возбуждения. Когда покруживалась голова. А набухшие губы ее вульвы - ждали совсем другого прикосновения. Мужского. Мужской части тела, которую они готовы были обхватить, толкнуть внутрь себя, и с жадностью поглотить.

Мужчина приблизился к женщине. По всему, ему уже давно хотелось войти в нее. И если поначалу он совсем был не намерен сдерживаться, то теперь он ни за что бы и не смог себе позволить так-то уж сразу в нее ворваться.

Положив руки ей на поясницу, он сделает это чуть позже. И будет (закатив глаза) вкачивать в нее свое желание. Но это все уже действительно произойдет чуть позже. А пока он подполз под стоявшую на четвереньках женщину, принявшись жадно всасывать в себя ее вульву, и ее лепесток (от прикосновения к которому женщина всякий раз как-то по особенному приятно содрогалась и постанывала); а когда она - наклонив голову - взяла в свои губы его вздымающийся член, мужчина еще больше увеличил свои движения. И теперь язык его проникал в нее туда, где в скором времени должен был оказаться его член. Но ведь члену пока было и так хорошо. Хоть и начав ощущать, что может кончить, мужчина выполз из-под женщины, и вошел в нее сзади.

Больше не в силах сдерживать свое накачиваемое изнутри тело, женщина распласталась на кровати.

Владимир Дмитриевич теперь тоже мог снять со своих рук, поддерживающих его тело, часть нагрузки. И теперь с частотой отбойного молотка вбивал свой орган любви в

наэлектризованную вагину Валентины Матовой. Притом что через время он взял чуть повыше - и вошел в ее анус. И уже от такого кончили разом она и он. А потом еще долго лежали изможденные. И лишь скользнув по стоявшим на столике часам, Валя отметила, что прошло 42 минуты 17 секунд. 42 минуты 17 секунд занятий любовью. Это был ее новый рекорд занятий откровенным сексом. И получения удовольствия, которое приятной истоминой заволокло ее тело. И Валя погрузилась в сон.

Глава 12

Я не знал, что это так хорошо...

Хотя, наверняка, конечно же, знал. Еще лет в 14 я сделал это в первый раз. А может в 12. Тогда это, наверное, вышло как-то само собой. И может действительно случилось в первый раз (самый первый раз) во сне. Причем сновидение наверняка тогда уже должно быть самым приятным в моей жизни. По крайней мере трудно и рассчитывать, что оно могло быть каким-то другим. Женщина во сне... Я подумал, что она наверняка могла быть уже женщиной. Опытней и старше меня. Которая, преодолев мою неопытность и застенчивость, стала ласкать мой член. А я уже кончил, наверное, только от этого. Ну, никак я не могу предположить, что позволил бы в свои (12? 14?) что-то другое.

Я ласкал ее груди. Целовал соски. Тогда еще, наверное, не думал, что самое приятное для меня начнется, когда я поникну в нее сзади. Когда мой член, значительно увеличенный сновиденческими фантазиями, найдет себе лазейку между ягодиц

лежащей на животе женщины, и поддерживаемый (и направляемый) ее заботливой рукой - проникнет вовнутрь.

Тогда я, как мне кажется, кончил несколько раз. Причем, со временем (в моих последующих сновидениях) научился кончать попеременно в три самые желанные для меня, мальчишки, женских пространства. Совсем не считаясь с настоящим желанием женщины. Хотя, замечу, женщины мне во сне тоже тогда подбирались соответствующие. А уже позже, повзрослев, я интуитивно отыскивал их в реальной жизни. И иногда удавалось. Ну а тогда мне еще предстояло какое-то количество времени набираться опыта с женщинами, приходящими ко мне исключительно во сне. А я... Я ведь совсем не мог отказать им. И основным критерием начала контакта (возможности его) было только их желание. Чему я, наверное, был безмерно рад. Я лишь мысленно их просил не влюбляться в меня. Но за это позволял вытворять с собой совершенно все. И никогда им не отказывал. Ведь мне это нравилось. Нравилось настолько, что я совсем не мог удержаться, чтобы не проделывать это вновь и вновь. Так что уже вскоре должен был призывать на помощь дополнительное воображение. Потому что мне хотелось все большего. И я уже не мог ограничиться тем, что имел.

Причем, со временем, два-три раза были обязательно наяву. На этот случай у меня были заготовлены специальные картинки полотен лучших живописцев. Ну а еще раз-два - во сне. Причем я конечно же не могу сказать, что мне все это нравилось. Потому что женщины, разумеется, были разные. Но всех их объединяло одно желание - предаться со мной откровенной

страсти. Сейчас это могло бы показаться утопией (где эти женщины?), но тогда была какая-то вера, что в настоящей жизни все именно так.

Кроме того, я заметил за собой удивительную особенность. Заводился я еще быстрее, если замечал, что трахает этих женщин кто-то еще. И я не мог уже удержаться, чтобы не кончить только от этого (ну, после нехитрых манипуляций, разумеется).

.....

Считал ли я чем-то обидным то, чем занимался? Нет. Нет, нисколько, и никогда. Потому что для меня на тот момент это было единственно доступным и надежным средством утихомирить разбушевавшуюся плоть. Ну а потом, уже было приятно осуществлять какую-то власть над женщиной. И как-то незаметно эта власть переместилась на реальную жизнь. Но вот ощущение какой-то ирреальности происходящего с тех пор уже неотступно следовало за мной. Так что мне уже совсем было и не нужно от него избавляться. А через каких-то десять-двадцать лет и наш мир захлестнула всеобщая компьютеризация. И я уже мог находить своих многочисленных любовниц в виртуальном пространстве. И теперь разом их стало столько, что они нескончаемыми колоннами окружали меня. А их всевозможных размеров груди, попки, и проч.,--теперь сопровождали меня независимо от того, где я находился. Причем по-прежнему объединяло всех этих женщин только одно желание - отдаться мне. И этого желания теперь стало столько, что я ни в чем не чувствовал ни стеснения ни каких-то

неудобств. Также, впрочем, как и в реальной жизни. Да и уже в этой самой реальной жизни женщин вдруг стало столько, что мне на миг показалось, что возвратились все женщины из моих сновидений и из виртуальной реальности. И самое удивительное было то, что все они, по первому моему требованию, готовы были принять любую позу, на которую только могла сподвигнуть меня моя необузданная фантазия.

Глава 13

Мне показалось, что я нащупал какое-то недостающее звено, необходимое чтобы выстроить свои отношения с другими людьми.

Хотя, конечно, отношения складывались и так. Я даже мог сказать, что при этом (и что уж наверняка) я не мог быть до конца уверенным, что подобное будет продолжаться какое-то длительное время. И всякий раз, начиная общение, я инстинктивно ожидал завершения его. Причем к этому по настоящему могло и не быть никаких оснований. Просто мне так казалось. Просто... Да нет. Мне ведь и действительно так казалось. При том что поначалу я даже не думал о том, чтобы от этого избавиться.

Но, конечно же, по настоящему самое главное для меня заключалось в том, чтобы научиться задействовать какие-то механизмы в собственной психике, чтобы заранее предотвращать возникновение каких-то критических ситуаций. И не дав им развиться, не только предотвращать, но и достаточно уверенно не допускать подобного впредь. И у меня даже получилось. Все получилось. Вернее - мне показалось что так. Хотя уже и оттого,

---

что так стало казаться, я заметно вырос в своем внутреннем развитии. Преодолев те этапы, о которых, быть может, и не мог мечтать. И при этом...

И при этом я вскоре понял, что все это на самом деле слишком мало, чтобы начинать торжествовать победу. Да и даже как таковая победа мне была не нужна (и даже - не необходима). Ведь я понимал, что от самого факта существования чего-то подобного не уйдешь. Не скроешься. Не умалишь его. А потому я должен был...

А и на самом деле - кому я был что-то должен? Ведь вряд ли что-то такое было в действительности. И мне казалось, что скорей всего это был плод каких-то (достаточно странных, замечу) фантазий. Сродни бреду разума. Разума, которого в иные моменты во мне и не было. Ну, или я не ощущал его.

.....

--Зачем же вы все-таки убивали?--пожилой следователь (следователи на удивление менялись слишком часто, чтобы я их мог более-менее запомнить) устало откинулся на спинку стула, и на миг погрузился в свои мысли. Казалось, он и не ждал ответа. И лишь потому, что он повторил вопрос, я понял что это не так. И хоть что-то услышать от меня он все же хотел.

Впрочем, в то, что это было так, я мог и не верить. Но уже независимо от этого, майор (следователь по особо важным делам) ждал ответа. И мне стало как-то неудобно молчать.

--Понимаете,--сказал я.--Все на самом деле обстоит немного не так, как ваши коллеги... (на словосочетании "ваши коллеги" я сделал необходимую паузу, чтобы посмотреть на него, а заодно решить, что сейчас говорить не стоило).

--Я все понимаю,--все так же устало произнес следователь, перебивая меня.--Но посмотрите какое странное дело: на всех допросах вы или отрицаете вину или во всем соглашаетесь. Причем по всем вашим рассказам уже можно писать роман. Или несколько повестей, объединенных одним общим смыслом всего вами сказанного. И при этом - вы отъявленный преступник. И хотите, чтобы дело срочно попало в суд. А ваш адвокат, словно бы намеренно запутывает нас. И получается, что вы уже действительно ни в чем не виноваты. И вас не только следует немедленно отпустить, но еще и наградить. Да и к тому же, в течении нескольких лет извиняться перед вами. Ведь только так мы можем искупить свою вину перед вами?--следователь пристально посмотрел на меня. По его лицу совсем не было заметно, что он издевается надо мной. Но я знал что это так. Знал, что он просто проверяет мою реакцию, и ждет ответного шага. И потому молчал.

--Ну, что вы на это скажете?--первым не выдержал следователь.

--К сожалению, вы меня не понимаете,--произнес я.--
Ведь материалы дела свидетельствуют...

--Материалы дела ни о чем не свидетельствуют,--перебил меня он.

--То есть?--не понял я.

--А вы как думали?--посмотрел на меня следователь.

--Думал, по крайней мере, обратное,--буркнул я.

--Ну тогда помогите нам,--сказал следователь.--Давайте еще раз во всем вместе разберемся. Я должен понять - что вы за человек. Расскажите о себе?--попросил следователь.

--Да в чем вы хотите разобраться, если я говорю вам, что не помню, что со мной было,--взорвался я.

--Не помните?--подозрительно посмотрел на меня следователь, прищурившись, и приоткрыв уголовное дело, лежащее на столе.

--Не помню,--стоял я на своем.

--А чем вы тогда объясните многочисленные признания?--недоуменно сказал следователь.

--Да чем угодно,--спокойно сказал я.--Хотя бы своим тогдашним настроением.

--То есть вы хотите сказать, что периодически перестаете отдавать отчет в своих действиях...

--Я всегда отдаю отчет в своих действиях,--твердо сказал я.

--Ну как же?--не понял следователь.--Ведь вы же уже начали противоречить сами себе.

--Нет, себе-то я никогда не противоречу.

--Странный вы человек?--следователь, казалось, недоумевал и на самом деле. По крайней мере я бы мог вполне уверенно утверждать, что мимика на его лице была достаточно искренна. И если бы это было так, мне уже следовало бы начинать сомневаться в своих способностях. Что попросту не давали сделать многочисленные мои театральные постановки и работа с настоящими актерами.

--Я вижу, вы в нерешительности?--следователь не мигая уставился в меня.

--О нет, нет, отчего же,--наигранно развел я руками.--Вам показалось. Я в полном порядке.

Майор с удивлением посмотрел на меня.

--Вы знаете...--неожиданно сказал он.--Будь моя воля, я бы вас отпустил.

Мне показалось, что сейчас он говорил правду.

--Да вы что?--подчиняясь какому-то порыву я поддержал игру.

--Да, отпустил бы,--кивнул майор.

--Ну так, как говорится, зачем же дело стало...--начал было я.

--Вы же понимаете, что это невозможно,--произнес следователь, и посмотрел на меня, словно бы желая чтобы я подтвердил, что это невозможно.--Хотя, если бы вы мне действительно рассказали правду...

Я кивнул, внимательно слушая его.

--...И если мы убедимся что вы искренни...

Я по-прежнему не произносил ни слова.

--...Тогда мы вполне можем вас и отпустить,--продолжил следователь.

--Так-то уж отпустите?--усомнился я.

--На самом деле вас необходимо расстрелять,--неожиданно жестко сказал следователь.

Он что-то говорил еще. А я уже думал о том, что видимо ничто не поможет мне выбраться из той ситуации, в которой я

оказался. И быть может впервые понял, что это все всерьез и надолго.

--...Ну ладно,--произнес следователь через время, видимо сопоставив услышанное от меня с уже имеющейся информацией.-- Я понял, что контакта у нас не получится.

Он позвонил.

Я встал.

Вошедший надзиратель сопровождал меня обратно в камеру.

Глава 14

Должно быть покажется несколько удивительным, но я уже и не рассчитывал выбраться отсюда.

И даже более того. Мое нынешнее нахождение здесь, я рассматривал как безрадостный (и наверное справедливый) итог всего моего существования. Итог, можно сказать, вполне оправданный. Закономерный, как сказал бы я. И потому уже нисколько не рассчитывал, что в моей судьбе что-то изменится. Будучи уже уверен, что это так.

.....

С Лерой я встречался почти исключительно в рабочей обстановке. На ее работе. Она работала заведующей кафе.

Причем, все наше общение сводилось только к одному. Да еще и нужно было все успеть проделать за 7 минут. Ровно столько она завела на прием посетителей. Ну и конечно же я не

думал, что все посетители занимались с ней с этим. Быть может кроме меня, конечно, никто и не занимался (судя по страстности Леры это можно было предположить). Но не на работе. Не на Лериной работе. И ни в ее кабинете, как то делал я.

Я не спрашивал, сколько Лере было лет. Я вообще не задавал ей лишних вопросов. Как только заходил я к ней, она уже начинала раздеваться. Пока я оборачивался, проверяя, надежно ли закрыта дверь, Лера уже была обнажена. Вернее - полуобнажена. И сидела на столе, широко раздвинув ноги, и словно приглашая меня не терять ни секунды, и входить в нее. Тем более, словно по независящим от меня причинам, мой член уже находился в боевой готовности, как бы заранее реагируя на сигнал. Сигнал - сама обстановка и повторяемость - из раза в раз - однотипных действий. Лериных и моих. Так что я в этом случае сразу вспоминал собаку Павлова, когда у той на загоравшуюся лампочку происходила какая-нибудь запланированная физиологическая реакция. В случае со мной - таким сигналом была Лера в своем кабинете. И я набрасывался на нее, и мял ее тело, и вбуравливался внутрь ее по типу туннельных проходчиков. А она благодатно отзывалась на каждое мое движение. И так было вплоть до обоюдного оргазма.

.....

Уже излишне говорить, что мне нравилось заниматься любовью с Лерой. Скорее всего, для меня было главным несколько большее, чем просто получение наслаждения. Ибо с Лерой я мог, отбросив все условности, заниматься тем, чем мне по

настоящему заниматься всегда нравилось. Секс. На первом месте стоял только секс. Без всяких там прелюдий и условностей (причем, замечу, были у меня девушки, которым нравилось больше заниматься подготовительной работой; и возбуждались и кончали они уже только от этого). Но Лера была не такая. Ее интересовал сам процесс. Меня - с ней - тоже интересовало это. И потому, при виде друг друга, мы сразу набрасывались друг на друга. Чтобы в течении отведенным нам 7 минут успеть друг другом насладиться. Успеть кончить. И у нас все получалось.

Груды у Леры были небольшими. Но видимое отсутствие их она компенсировала набухшими - и готовыми ко всему - половыми губами. Которые мне иной раз хотелось просто съесть. Такие они были аппетитные.

.....

Женщины подобные Леры мне всегда нравились. Нравилось общение с ними. Это общение несколько не напрягало. И никто ни от кого при таком общении не зависел. Все было так, как положено, как было заведено, как случилось бы, независимо от того, были ли вы рядом или вас не было. И ни я, ни Лера никогда не сдерживались. И делали с друг другом все что хотели. И то, что помимо Леры у меня были другие женщины, а у нее мужчины, было совсем неважно. Главное, что мы всегда находили время для общения друг с другом. И так же неважно, что нам было отведено всего 7 минут. За эти 7 минут мы успевали то, к чему другие не подберутся и в течении жизни. И это было главным.

Тем, что скрепляло, цементировало, наши отношения. Отношения, которые продолжались, и не могли закончиться.

Глава 15

По правде сказать... Мне наверное следовало признаться, что женщины как таковые были мне не нужны. Но видимо несмотря на это я продолжал искать в них какие-т ответы. И в общении с ними я периодически или подтверждал или опровергал постулаты собственных истин. Как уже когда-то доказанных, так и находящихся только сейчас какое-то подтверждение.

Я не решался ответить на вопрос: нравилось ли мне это? Скорей всего, это уже стало неотъемлемой частью моей жизни. По крайней мере я совсем не мыслил, что может быть как-то иначе. И если что-то становилось частью вашей жизни, разве вы можете ответить - нужно или не нужно оно вам? Нравится или не нравится? Оно вам необходимо. И если это есть, то без этого, быть может, вы и вообще не можете жить. И не мыслите свое существование. Которое сопровождает вас по жизни. А вы, зная, что оно находится рядом, радуетесь этому. И совсем не помните то время, когда его не было рядом с вами. И вам кажется, что с вами оно навсегда. И что так было всегда. И будет.

Часть 2

Глава 1

Это был откровенный бездельник, убийца и плут. И уже можно было сказать, что и соответствующую профессию он выбрал потому, что она как бы предполагала игру. Игру по жизни. И какие-то аспекты закрадывающихся ошибок - воспринимались с позиции исключительно наших подобных утверждений. Совсем не считаясь с тем, что может быть как-то иначе. И даже не рассчитывая - что когда-нибудь будет по-другому.

.....

Наверное трудно было предположить, что Валерий Дмитриевич Таганский, режиссер, который периодически заканчивал еще какие-то учебные заведения по совсем непрофильным (его первоначальной) специальностям (так, что даже на каком-то этапе сам задумался: зачем мне все это надо?) может являться серийным маньяком и убийцей.

Но все подходило к тому, что это является именно так. И, к сожалению, сам Валерий Дмитриевич запутался в том, кем же он на самом деле является.

Он давно уже запутался во многом.

Ему иногда казалось, что все это - именно так. И он действительно является тем, кем считают его следователи. И даже можно было сказать, что им удалось убедить его. Убедить в том, что он как раз и является этим самым убийцей и маньяком.

Но следователи менялись. А запутанность оставалась.

.....

Внутренний мир Валерия Дмитриевича давно уже жил отдельной жизнью. Жизнью, в которую совсем не вмешивалось сознание. Потому что сознание оказывалось бессильным. И совсем не в силах что-либо противопоставлять той жизни, в которую - как казалось Валерию Дмитриевичу - он жил.

Жизни... Да это и не жизнь была вовсе. По крайней мере Валерий Дмитриевич вдруг (как-то разом и неожиданно) перестал что-либо понимать. И давно уже не отдавал какого-то отчета. Отчета реальности. Которая по-прежнему окружала его. Потому что, ведь не сошел он с ума. Иначе быть может и все было бы проще. А так... А так - еще была какая-то надежда, что что-то может измениться. Да и наверняка изменится. Хотя если бы сам Валерий Дмитриевич захотел этого. А он наверняка должен захотеть. Мог захотеть. Должен, даже обязан был захотеть - несмотря ни на что.

.....

Валерий Дмитриевич задумал собственные записки, при этом еще, наверное, до конца и не отдавая себе отчет - к чему все это?

Совсем не было ничего, разумеется, что можно было бы говорить о необходимости поддержания какого-то имиджа. Нет. Подобный аспект как раз даже не предусматривался. Да и какой, собственно, имидж он должен был поддерживать? Бред какой-то,-- сказал бы сам себе Валерий Дмитриевич. И нам ничего бы не оставалось, как с ним согласиться.

Но что же тогда оставалось? Ведь наверняка должна быть причина, заставившая его сделать что-то подобное?

Да она и была. Причина. Вот только спектр действия само зарождение (и базирование) ее - находилось совсем не в области какого-то восприятия. А где-то там, что невозможно разглядеть так-то уж сразу. Потому что есть какие-то ситуации, когда как вроде бы и не заметно что-то на первый взгляд. А на самом деле вас не отпускает уверенность, что это на самом деле существует. И пусть вы даже действительно еще не можете это по настоящему сформулировать. Но уже и сами становитесь уверенными, что это существует где-то в подсознании. Причем так, что оказывается расположено совсем близко к сознанию. Быть может даже на границе его. Но... Но оно словно бы норовит все время ускользнуть от вас. От вашего понимания ситуации. Словно бы это и действительно не совсем даже то. И у вас...

У вас совсем нет повода усомниться, что это так. Вы никак и не можете поверить, что что-то может пребывать совсем рядом с вами. Вы не способны разобрать, что же это такое?

Но до того, чтобы вам стало обо всем этом обидно - дело как будто не подходит. И что-то вас удерживает, чтобы окончательно махнуть рукой и уйти. Да вы, наверное, и не способны (никогда не способны) были бы это сделать. Потому что... Потому что странно на самом деле все это. Странно, не объяснимо, и непонятно для вас. Но почти точно так же - это непонятно и для других. Для окружающих. Которых вы большую часть времени и не замечаете. Не хотите замечать. Не собираетесь замечать. Потому что это вам - совсем даже не нужно.

И тогда уже все эти записи можно было бы рассматривать -- как желания Валерия Дмитриевича разобраться в себе. Попытаться понять - себя. Понять то, что он, быть может, и откладывал все время как бы "на потом". И вот теперь это время настало.

Но настало оно лишь только как бы вынужденно. И уже следовало говорить, что обстоятельства словно вынудили вас к необходимости разобраться над всем этим. Над сложившимися (и так некстати подошедшими) обстоятельствами. Но и уже оттого, что это вынужденная мера - вас как бы и ничего не будет отвлекать. Мешать вам. Да еще и будет как-то подстегивать -- в желании да необходимости -- разобраться.

И уже если это действительно так, то вам как будто и ничего больше и не остается, как брать ручку, бумагу, и начинать анализировать происходящее. Ну а разве может быть еще иначе? Нет. Не может. И вы об этом знаете.

.....

Знал об этом и Валерий Дмитриевич.

А потому, должно быть, и решился он на все это. И стал как бы анализировать прошедшую жизнь. И быть может начиная даже сам удивляться тому, что все это происходит так. А он... А он ведь даже и не знал (не мог знать), как это должно быть. Он словно бы заново открывал для себя совершенные когда-то поступки. И даже как-то удивлялся своему тогдашнему поведению. А помня свои прежние ощущения (у Валерия Дмитриевича вообще была хорошая память), он мог соотносить их

с ощущениями сегодняшними. Чему-то удивляясь про себя. А чему-то наверняка и радуясь.

Ну и, конечно же, расстраиваясь. Ведь мало кто мог похвастаться тем, что не жалеет о чем-либо случившемся с ним. Вот только надо понимать, что тогда вы напрямую находились в той ситуации. И само решение по былой ситуации выносили в соответствии со своим прежним эмоциональным состоянием. Тогда как теперь...

Теперь вы стали совсем другими. И психика у вас общая в чем-то одном, базисном. Хотя и вероятно разнится она в деталях. И вы, конечно же, уже все видите совсем иначе, чем то могло бы быть раньше. Да оно вам и кажется уже совсем другим.

Глава 2

Вот ведь какая штука?.. Вроде и не прожил еще жизнь, а по всему - она уже скоро закончится. Вопрос быть может каких-то месяцев, а то и дней. Ведь в том, какой будет приговор - я совсем не сомневался. Ну, или почти не сомневался. Но это "почти"... Это "почти" оказывается как будто совсем и не значимо. И все не существенно. Потому что... Потому что - не было ничего, что бы говорило о том, что заведенное против меня дело - разрушится в суде. И что приговор будет совсем не тот, который я ожидаю... Да, ожидаю. Потому что в иные разы я более чем отдавал отчет в том, что происходит. И мне нисколько не хотелось обманывать самого себя. Считая что ситуация лучше, чем была на самом деле. И так было еще потому, что я как бы интуитивно улавливал, что в реальности ситуация будет иной. Не такой, как виделась она мне.

И это была правда. Та правда, которую я не всегда хотел, чтобы она была. Чтобы она случалась. Потому что некий иллюзорный мир - в большинстве случаев для меня был однозначно лучше. И даже не потому, что я хотел так-то уж отгородиться от реальности. А скорее из-за того, что я давно уже заметил, что то, что появлялось пусть и в обмане, это в конце концов (из обмана) превращалось в какое-то подобие того, что уже существовало на самом деле. И мне иной раз оставалось лишь подправить что-то, и все являлось передо мной. Было - наяву. И уже ни о каком обмане речь даже не шла.

.....

Все это, наверное, было нужно мне.

Необходимо.

Необходимо настолько, что я совсем не мог от этого отказаться. И мне становилось невероятно приятно, когда приходило убеждение, что это действительно так. И что совсем ничего не нужно было менять. Совсем ничего. Равно как и пытаться убеждать себя в чем-то совсем ином. (Что наверняка бы уже и вовсе противоречило происходящему. Тому, что было в реальности. Тому, отчего я теперь совсем не мог отказаться.)

.....

Я не верил, что это все будет продолжаться слишком долго.

Мне казалось, что в любой момент оно может закончиться. И сколько я не буду убеждать себя в обратном, ничего больше не произойдет. Не произойдет другого. Того, о чем я даже никогда бы и не мог подумать. Но что в реальности - существует. Существовало. Будет существовать.

Глава 3

Нелепым и необъяснимым мне казалось то, что происходило со мной.

Я не ждал от судьбы каких-то поблажек. У меня не исчезало ощущение, что моя жизнь словно проходит в каком-то параллельном движении -- с жизнью настоящей. Словно бы я даже мог наблюдать то, что происходило вокруг меня. И словно бы даже являлся прямым участником всех этих событий. Но... Это было неосознаваемое мной. Так что словно бы что-то и было. Но этого как будто совсем и не было. Причем не просто не было (казалось мне с одной стороны), но и словно бы не существовало никогда. Но уже с другой стороны, словно бы без этого уже ничего и не могло быть.

И все это было очень и очень странным...

Настолько странным, что в действительности и не понимал ничего. Хотя,-- насколько я мог быть уверен, что это уже было так. и получалось. Получалось, я иной раз просто запутывался. Так вот...

.....

Конечно, справедливости ради стоило заметить, что то, что я на самом деле ждал от судьбы (если допустить, конечно, что я вообще от нее что-то ждал),--ни шло ни в какое сравнение с тем, что было на самом деле. Потому что, если между нами еще и могло что-либо получиться (хотя сомневаюсь: что именно), то это уж наверняка - должно было быть что-то эксклюзивное и занимательное. По меньшей мере, занимательное.

Но на самом деле... На самом деле реально я ни на что не надеялся. Потому что надежда моя была сродни возникновению чего-то странного, и даже неестественного. Чего наверняка могло бы и не быть. Или что было, но я при этом как бы упустил из вида, что это было. И насколько я понимал... И насколько я смог бы объяснить себе, что это было что-нибудь действительно необходимое мне. Без чего...

--А может быть этого не было?-- Валерий Дмитриевич посмотрел на себя в зеркальном отражении. Ему не совсем понравилось выражение собственного лица в минуты раздумий. Уж как-то слишком удивительно (даже подозрительно) оно преображалось. И становилось понятно, что это лицо несколько в действительности не отражает того, о чем он думал.

Словно бы душа и физиономия - имели разных хозяев. А мозг тогда уже - имел хозяина какого-то третьего. И это уже было настолько странным, что Валерий Дмитриевич опешил и задумался.

Ну, или сначала задумался. И опешил уже, в том числе, и от этого.

И у него появился даже какой-то интерес к тому, чтобы выяснить: что бы все значило? Насколько было бы оправданным

его предположение о том, что руководство своей судьбой - можно было бы переложить и вовсе на кого-то иного. Так, чтобы уже совсем и не заморачиваться в том, что происходит. Так, чтобы хотя бы на миг - перестать контролировать ситуацию. Явив хоть какую-нибудь - бесконтрольность.

И уже если допустить, что это возможно - тогда совсем как вроде бы и не за что переживать. И даже надеяться на что-нибудь хорошее. Что наверняка еще будет. Не могла же быть сейчас в душе его - одна гадость. Не могла. Такого не могло быть. Ну, хотя бы потому, что, по сути, не могло быть никогда.

Глава 4

Албушев Макар Ростиславович недоумевал, отчего же у него такие странные - и имя и фамилия, и даже несколько запутанное отчество. Причем, это для него казалось странным еще и от того, что от природы Албушев был человек открытый, и даже можно сказать - душевно ранимый. Нежный такой человек. Ненавязчивый. Любивший людей -- похожих на себя. И сам Макар Ростиславович всегда тянулся к таким людям. И вдвойне радовался, когда тем тоже было приятно общение с ним. Ну а как же иначе? Разве могло быть иначе? Ведь наше общение с другими - было музыкой. И настраивали музыкальные инструменты мы - в соответствии с собственным слухом, способностями, да возможностям музыкального инструмента. И действительно: как же иначе?..

.....

Макар Ростиславович (Фунтик, как звали его друзья, и мы, чтобы сделать ему приятно, будем его называть также) был среднего роста, среднего возраста, округлый человечек, со смешными маленькими глазками, трясущимися щечками, округлым пузиком, и гомосексуальными наклонностями. Да, Фунтик любил мужчин. И почти не скрывал это. Но ведь и мужчин он любил не абы каких. Все больше ему нравились нежные мужчины. И почему-то женатые.

Притом что женатых мужчин среди контингента, любимого им - было немного. Еще меньше из них было тех, кто любил Фунтика. Хотя быть может и любил бы. Наверняка любил бы. Но многие из них о Фунтике ничего не знали. А если и догадывались...

Хотя вряд ли они о нем догадывались. Но уже если бы узнали - то как минимум не пожалели бы. Потому что Фунтик (если это потребуется; или если почувствует, что он таким должен быть - на время стать) - являл собой пример очень занимательного, увлекательного, да и вообще интересного человека. Хотя и таким он почему-то стеснялся быть. А так как мрачным он быть тоже не решался, то выбирал нечто среднее. "Среднее", по его мнению - была стеснительность. И Макар Ростиславович таким и был - стеснительным, скованным, необщительным. Но лишь до того самого момента, когда в его мозгах что-нибудь не перещелкивало. И к нему не приходили какие-нибудь увлекательные мысли.

А может даже и вовсе на время не приходили никакие мысли. И тогда устанавливался определенный баланс. И Макар Ростиславович являл собой пример действительно другого человека. Такого, каким он себя не знал. Не понимал. Задумывался

- когда ощущал себя таким вот. И... Чрезвычайно запутывался Фунтик в таких случаях. Исчезло у него ощущение реальности. А то и действительно становился он необычайно задумчивым.

Но ненадолго. Потому что природа все же брала свое. И как только появлялся рядом с Макаром Ростиславовичем какой-нибудь мужчина (к которому Макар Ростиславович испытывал симпатию), обмякал Фунтик в его руках. И готов бы с ним на все. Особенно от предстоящего ощущения в себе члена. И пусть даже не совсем (и не всегда) "в себе". Можно было просто поиграть с ним. Поласкать его. Фунтику это необычайно нравилось. И он сам как будто изменялся при этом. А от него исходила какая-нибудь удивительная энергия. И если кто-либо из окружающих подпадал в спектр действий ее, то... То как-то уж очень удивительно становилось все. Забавно и удивительно. Забавно было наблюдать это. Очень забавно. Когда люди (мужчины преимущественно) и не имеющие как вроде бы наклонностей как у Фунтика - преобразались. И у них возникало ощущение какой-то легкости, уверенности, и желания обладать Фунтиком. А он это всегда использовал. Всегда. (Если был уверен, конечно, что окружающие не причинят ему вреда.)

.....

Фунтик был забавной личностью. Я даже не помню когда познакомился с ним.

Но мне было удивительно приятно с ним общаться. И за разговорами я, бывало, не замечал, как пролетало время. И лишь

ловил себя на мысли, что мне хотелось бы, чтобы этого времени было как можно больше.

Наверное я тоже что-то свое находил в этом общении. Мне казалось, что Фунтик как-то по особенному благосклонно влиял на меня. И наверняка что-то подобное чувствовал и он. Наверняка. Я даже в этом нисколько не сомневался.

.....

Конечно же, я не опускался до сексуальной близости с ним. Для этого у меня было слишком много женщин, которые периодически (или постоянно) хотели меня, и по отношению к которым я тоже испытывал сексуальное желание. Желание обладания ими. Причем, могу заметить (если допустить небольшое отступление), обладание женщиной есть на самом деле нечто большее, чем это можно представить на первый взгляд. И по настоящему это понимаешь не всегда. А должно что-то такое удивительное щелкнуть где-нибудь (то ли в мозгах, то ли между ног. А может и там и там. А может - и не там, и не там), чтобы начать по настоящему улавливать, что же на самом деле происходит. Улавливать, и отдавать себе отчет, что это все действительно так. А скорее даже - и никакого отчета не отдаешь вовсе. И лишь отмечаешь только какие-то удивительные метаморфозы, происходящие с тобой. И где-то в глубине души уже ловишь себя на мысли, что ты на самом деле до конца ничего и не понимаешь. А все происходящее - лишь сладостный (сладострастный) сон, в котором ты находишься. Пребываешь. Наслаждаешься этим. Вот так все это и бывает на самом деле.

Причем со временем тебе абсолютно наплевать, что это все так. Ты понимаешь, что это все может и не так вовсе. Совсем даже не так. А то, что на самом деле происходит с тобой...

Загадка это. Настоящая загадка. И ответа на эту загадку найти не так-то просто. А может ее в действительности и не существует. Ведь все может быть. И главное тут - ничему не удивляться. Ничему. Хотя, наверное, и удивляться совершенно нечему. Ну, так уж все получается. Ничего не поделаешь.

Но ты... Но ты ведь нисколько и не хочешь (не желаешь), чтобы это все происходило так. И быть может даже рассчитываешь на что-то другое. А потом (уже потом) понимаешь, что во всем, вроде как, и сомневался. И даже зря сомневался, понимаешь чуть после. Но...

Но ничего изменить не можешь. Или не хочешь...

Глава 5

Сколько бы я, интересно, мог выдержать, не обращая внимания на то, что со мной происходит что-то забавное, интересное, а то и странное?.. Отчего я становлюсь нервным и раздражительным; отчего в моей душе назревает беспокойство; отчего я путаюсь порой в самых простейших вещах; а от чего-то (раннее) любимого и радостного - получаю теперь совсем обратный эффект. Эффект невосполнимой потери. При этом теряюсь уже от этого не зная как реагировать на самые простейшие вещи. А ставить более-менее реальные цели - и вовсе

бесполезно. Потому что они - только кажутся таковыми. И совсем не являются на самом деле удивительными и занимательными.

И больше у меня нет такого ощущения. А я...

А я даже не способен сказать, как себя чувствую. Кем себя ощущаю. Как будто и никем. Потому что наверное, теряется мое ощущение - себя -- прежнего. Так, как будто я попал в какую-то трясины. И если пойду по ней дальше, будет это и вовсе недоразумением. А то, что мне в итоге удастся выбраться - покажется странным и даже немного неосуществимым. Да и невозможным, наверное. И я совсем не верю, что это будет когда-нибудь возможно. Что это должно быть возможным. Наверняка - невозможно. Наверняка. И я уже совсем в это не верю. Совсем. Потому что... Да быть может и потому, что я уже и не знаю - во что мне верить. Да и не пытаюсь, по сути. Понимая, что это мне может и не нужно. Зачем? Действительно не нужно. Да. Не нужно. И даже странно становится от всего этого. Странно настолько, что я еще какое-то время слежу за происходящим. Но уже не улавливая его сути. Словно той и нет. Тогда как подозреваю, что она-то как раз и есть. Конечно же есть. А иначе и быть невозможно...

.....

Валерий Дмитриевич Таганский со своей звездной фамилией был человек, лишенный каких-нибудь таких уж реальных амбиций.

Нет, те, конечно же, у него присутствовали.

Но вот Таганский на них не обращал внимания. Словно бы они совсем и не существовали. И если он действительно замечал, что происходящее вокруг выглядит каким-то загадочным, то, по его мнению, это совсем еще ничего не значило. А надо наоборот,--гооврил он себе тогда,-- рискнуть предположить, что подобный расклад вещей ему кажется.

И тогда уже если предположить что это действительно так, уже может и не пытаться изменить ситуацию; оставив все - как есть. Если предположить, опять же, что это действительно возможно.

.....

Я слушал время.

Мне хотелось проникнуть вглубь времени. Отчего-то казалось, что это возможно. И я даже нисколько не сомневался, что у меня получится. Но... Я отчего-то боялся это сделать. И пусть если даже что-то могло получиться...

Верил ли я в это?

Но и не мог не сомневаться, что когда-нибудь раньше мне казалось вещами совсем простыми. И мне не нужно было какого-то дополнительного осознания, что это действительно так. И конечно же (точнее, я считал это само собой разумеющимся), я пребывал в этом поэтически-астральном состоянии. Как будто у меня совсем не было возможности пребывать в чем-то еще. И я считал это вполне естественным. Так, что никогда бы и не

усомнился, что этого никогда не было. Не существовало. Ничего не существовало. Тогда уже получается, что ничего не существовало. А все что возможно - просто как бы само собой предусматривается. И не больше.

.....

Валерий Дмитриевич знал, что периодически накатываемые на него ощущения не будут вечными. Ну даже не в том смысле, что они такими предполагались быть. Совсем нет. Просто так выходило, что ощущения реальности и нереальности происходящего - случались уже так часто, что он перестал замечать: где и когда он настоящий.

А иной раз ему казалось что ничего настоящего на самом деле и не было. И все что иной раз случалось с ним, было большей частью результатом нелепой абстракции. Ну или проекции его внутреннего мира - в мир внешний.

Глава 6

Я не подозревал, что какая-то одна возникшая ситуация в моей жизни может пустить эту жизнь под откос.

Но это было так. По крайней мере сомневаться мне особо не приходилось. И даже более того, я как-то (в душе, большей частью) радовался этому процессу. Не предполагая, что когда-нибудь может все измениться.

.....

На протяжении должно быть лет двадцати, не меньше, все протекало в подобном порядке. А может десяти. А может пятнадцати.

А потом как-то разом все изменилось. И если я и мог бы задержаться теперь на анализе какого-то события, то должно быть задерживался уже постоянно. И мне что-то даже мешало добиться того, чтобы сделать анализ подобного события (в которое я не только погружался, погрузился; но и наверное в нем пребывал). И я даже иной раз предполагал, что такое событие на самом деле не кажется таким, каким на самом деле было.

И мне это даже нравилось.

Глава 7

Я убивал этих несчастных женщин.

Хотя на удивление, я не помнил, когда -- и как -- я это делал.

И все больше (уже сейчас, в настоящем времени) мне казалось, что это так. И даже повода не было усомниться в этом. Словно бы... Словно бы этого действительно не было. А все происходящее - становилось похожим на сон. Сон, из которого невозможно было проснуться. Потому что он продолжался вечно (ну, по крайней мере, мою жизнь он захватывал).

.....

Удивительно... Все больше и больше все происходящее казалось мне удивительным. Таким, что уже ничто, как мне казалось, не может (и не могло быть) вечным.

И я пребывал в каком-то подобном обмане. Или лучше уже было сказать - самообмане. Потому как, какой же это мог быть обман, если все по-прежнему продолжалось. И я где-то в глубине души желал, чтобы продолжалось оно вечно. Ну, или очень долго.

Мне действительно не хотелось, чтобы что-то закончилось. Прекратилось. Ибо, подозревал я, что без всего этого больше не смогу.

.....

Странно все это... И наверное до безобразности нелепо. А событие как будто начинали бежать по своему (какому-то... какому?..) удивительному течению.

А я... Я оставался без надежды, что все остановится. Но ведь не могло же оно продолжаться вечно?

.....

Прошлое неотступно преследовало меня.

И так уж выходило, что сейчас я должен был нести плату за все. За все совершенное мной,--как решил за меня следователь. А мне так вдруг захотелось встать и убежать. И я наверное бежал бы так, что меня никто не догнал. И наверное даже быстрее, чем это случилось когда-то в прошлом, когда выступая на

соревнованиях по легкой атлетике мне не хватило совсем чуть-чуть, чтобы выполнить норматив международника. И я так и остался мастером спорта. А потом и вовсе ушел из спорта. Чтобы больше уже в него никогда не вернуться. Да и легкая атлетика мне вдруг разом как-то разонравилась. Наверное - "наелся".

.....

Я не мог пока сказать, чего бы мне на самом деле хотелось, чтобы это произошло в реальности.

Скорее всего, эту самую реальность я рассматривал как нечто условное. Продолжая пребывать в каком-то выдуманном мире. Ведь находясь там - я решал для себя многие задачи. К которым раньше еще только подбирался. Потому что... Потому что они мне казались и не такими уж важными и необходимыми. А значит, я без них вполне мог обойтись. И что уж точно, не делать на них ставку. Предусматривая, что вполне справлюсь и так. Но...

Но от женщин, которые с какой-то настойчивостью всякий раз попадались мне на пути, я как будто и не мог отказаться.

Притом что я по-прежнему уверен (несмотря на то, что следователь это мне пытался вменить в вину), что своим общением с ними - помогал им. И нашими сексуальными безумствами (которым мы предавались) снимал с этих женщин какую-то повышенную тревожность, напряжение, беспокойство.

При этом в самом начале действия как бы не предусматривалось что это так. То есть начало отношений выходило по согласию, а после наступала радость.

.....

Как я уже говорил, мне это все нравилось.

Нравилось общение с многочисленными Дашами, Олесями, Верами, Валями, Роксанами... Я любил их, как они считали. Где-то они были правы. Где-то я бессознательно преувеличивал, и наши отношения не выглядели такими уж безобразными. Да и наверняка ведь, с кем-нибудь другим, у них бы все получилось значительно лучше. И что уж точно, учитывая мой прежний задор, спокойнее для них. Без напрягов, то есть. Хотя и не думаю, что тогда было так-то уж много напрягов. А сексуальные извращения, которым мы предавались?.. Так были ли они?.. И действительно ли это все происходило так, как подобное описал следователь? (В психике которого явно просматривалось сексуальное неудовлетворение жизнью, и желание - каким-то образом компенсировать подобное. Поэтому и мысли его простирались в одной плоскости, как я считал.)

Глава 8

Роман Израилевич Тараторкин - представлял собой тип человека, которых, как я тогда считал, надо было уничтожать. За их "перевернутость" сознания. Потому что они и на самом деле

были какими-то недоделками. Точнее, по отношению к ним можно было сказать, что их наоборот - слишком "переделали". И Создатель столь долго оттачивал их (желая, должно быть, создать совершенство) что, в конце концов, запутался и сам в ответе на вопрос: каким же он хотел, чтобы они получились.

А запутавшись, махнул на них рукой. Решив про себя, что лучше уж пусть получатся такими, чем совсем никакими. Но и все равно, успев, должно быть, тысячу раз пожалеть, что все вышло так. Не по человечески.

И эти существа стали заполнять мир. Воспроизводясь и рождая точно таких же нравственных уродов и бездарностей. Совсем никчемных людей. И мир действительно вздохнул бы с облегчением, если бы смог каким-то образом избавиться от этих созданий. Которых быть не должно. Настолько они оказались ненужными.

.....

Чтобы не предпринимал Роман Израилевич, у него все выходило как-то не по-людски. И даже не потому, что он этого так хотел. Как раз здесь-то он, наверное, хотел обратного. Быть может даже - честно и искренне желал этого.

Но у него ничего не выходило. А все больше от него исходил какой-нибудь бред и безобразие. Вернее - уже наверное самим безобразием была его жизнь. Та жизнь, в которой жил этот человек. Хотя и мне не хотелось, чтобы кто-нибудь жил так, как этот человек. Потому что такие люди не должны жить. Жизнь вполне бы обошлась без них. Как никто бы не пожалел, если бы их

не стало. А вот что думал сам Роман Израилевич?.. Должно быть он думал как раз иначе. Я даже знал, что на все у него была своя теория. Так называемая теория жизни. Жизни, которую он стремился изменить к лучшему, путаясь при этом, и могу предположить - понимая, что ничего не удается.

Но ведь это было не так. И я бы с удовольствием мог этому ничтожеству все рассказать. Но... Я, наверное, никогда бы не позволил себе этого сделать. Потому что считал его недостойным - такой "правды". Да и он вполне спокойно жил без нее. А значит, мог продолжать жить и дальше. Так к чему были бы тогда мои откровения с ним? Совсем, наверное, ни к чему. Ни к чему...

.....

По образованию Тараторкин был филолог-японист, кандидат наук. Но у меня были сомнения относительно того, каким он был специалистом. И хоть мои знания о Японии сводились к совсем уж банальным сведениям, все перевешивала имеющаяся у меня информация, что свою диссертацию Тараторкин купил. За 5 тысяч долларов (при ценах, как мне кто-то говорил, от двух до десяти). А еще... А еще Роман Израилевич Тараторкин написал книгу. Художественную.

Но настолько скучную, глупую и неинтересную, что достаточно неосмотрительно высветил все свои способности. И писательские и интеллектуальные. Продемонстрировав к тому же,

---

что он еще и откровенный дурак. И с этим уже ничего нельзя было поделать.

.....

Мне почему-то казалось, что Тараторкина должны были периодически мучить приступы безумия. Да и наверняка, не только мне он показался ненормальным.

Притом что это каким-то удивительным образом не отражалось на его внешности. И Роман Израилевич часто любил напустить на себя туман. И от этого же тумана его мозг, должно быть, разбухал настолько, что готов был лопнуть. А быть может и лопался. Но только не все окружающие это пока замечали. А я же уловил подобные метаморфозы сразу. Но ведь я уже писал, что не считал себя вправе вмешиваться. На мой взгляд - Тараторкин был несчастным человеком. Так мне казалось. И усугублять свои ощущения большим общением с ним - не хотелось. Так же как не хотелось, чтобы сам Тараторкин считал что что-то не так. По мне, уж лучше пусть он пребывает в своей глупости, тупости, и безотказности восприятия действительности. Но ведь я был не уверен, что какую-то действительность он вообще понимал. Казалось, что он не понимал ничего. И был как минимум - скрытый дурак. Глупый и несчастный. И с этим ничего нельзя было поделать.

.....

Внешне Тараторкин был высокий, крупный, с короткими седоватыми волосами, обрамлявшими его затылок и по округлости - макушку. Сама макушка круглогодично была загорелой. Ну, весной, летом, осенью - еще понятно. А зимой... Зимой он должно быть загорал под кварцевой лампой. Да и то не весь. Подставляя только голову. И ему напекло. А потому и находился он в период зимних месяцев в каком-то по-особенному идиотско-заторможенном состоянии. Ну, то есть, выглядел откровенным дураком.

И самое интересное, что чувствовал это и сам. Чувствовал, что являл своим поведением пример какого-то чудачества. Хотя на самом деле, если кто и был чудаком, так это Коба Бармушев. Вот это действительно человек не от мира сего. Хотя и было заметно (мне об этом как-то сказал мой знакомый, а я, чуть подумав, с ним согласился) больше старался выглядеть таковым, чем являлся на самом деле.

Глава 9

Коба Бармушев - длинный, худой, нескладный человечек, с черными и постоянно взъерошенными волосами, бегающим взглядом, и достаточно сбивчивой речью - был одним из самых занимательных персонажей, которых я когда-либо знал.

Рассказчик он и на самом деле был отменный. Хотя и все рассказы его большей частью сводились к воспоминаниям о его службе в армии. Служил он в Туркменистане (еще в бытность Союза; сейчас Бармушеву было что-то около 45-48 лет), и был, наверное, чуть ли не единственным (по его словам) русским в

части (хотя я бы не сказал, что он был русским; скорей - еврей-полукровка, с примесью чего-то армяно-грузинского, а то и азербайджанского). При этом сама часть, как я понял, была многонациональная. И самих туркмен там было не больше десяти процентов. Видимо остальные туркмены призывного возраста учили русский язык в российских частях. И насколько я знал - весьма успешно. Заставляли.

Бармушеву на самом деле было сорок два. Я немного ошибся. Хотя в отношении него это была не первая моя ошибка. И за все мое общение с ним я делал их достаточно часто. При этом каждый раз недоумеваю: как же это так могло получиться?

Хотя и нисколько не тревожился из-за этого. Понимая, что в отношении Кобы - это очень даже возможно. Характерно, даже можно сказать. Ну хотя бы потому, что и сам Коба был неординарным человеком, и поступки имел соответствующие.

.....

Занимался Константин (настоящее имя его - Константин; но все почему-то звали Кобой; а он не поправлял) издательским бизнесом. Хотя по настоящему он никаким издателем не был. Полиграфист-рекламщик в лучшем случае.

Но душа Кобы стремилась к возвышенному. И мне даже стыдно было иной раз признаться (как, наверное, и самому Кобе), кем он себя представлял в своих фантазиях. Ибо в них он был, конечно же, крутым, и удивительно непогрешимым. С

поступками, не требующими какой-то дополнительной оценки. Потому что в идеале у Кобы все было прекрасно. И ведь вполне могло быть, что так это и действительно было. Особенно если учесть, что каким Коба был на самом деле - он и сам не знал. И у меня были более чем серьезные основания предполагать, что по настоящему Коба так никому и не открылся. И даже псевдоним его был выдуман им не случайно. Нравился Кобе товарищ Сталин. Этим многое объяснялось. Однако в отличия от воли и мужского характера Сталина, характер Бармушева представлял этакую смесь из неуверенности, разбавленной внезапным желанием казаться строгим и серьезным. В итоге получалось ни то ни се. Да и скрывал он что-то свое настоящее - за маской. И маска эта ограждала Бармушева от реальности, в которую погружаться он и не стремился, и опасался.

.....

Я не думаю, чтобы Коба кого-то боялся. И я до сих пор уверен, что таким, как его знали - он хотел выглядеть. А то, что скрывалось у него внутри - не знал никто. А ему... Ему ведь нравилось скрываться за маской безразличности и даже быть может - легкой тупости. Всегда легче, когда никто ни за что не спросит. Когда не было ответственности. И к ответственности Бармушев никогда не стремился. А если она нависала над ним (вдруг и беспощадно) - Бармушев старался ее игнорировать, не замечая.

.....

Независимо от своего отношения к людям (понять это отношение было почти невозможно) большинство из тех, с кем Бармушев общался - испытывали к нему симпатию.

Удивительно, но это было действительно так. И даже если казалось, что правда вот-вот обнаружиться... Нет. Она или не обнаруживалась, или люди были рады обманываться. А может искренне не считая это обманом. А то и испытывали от пребывания в обмане нечто прекрасное и удивительное, после чего уже достаточно неохотно от этого отказывались. И уже не хотели слышать ни о чем другом.

Обманывал ли когда-нибудь сам Бармушев? Обманывал. Я более чем уверен, что обманывал.

Но вот я несколько не был уверен, что Бармушев так-то уж сознательно желал этого. И, должно быть, это все-таки выходило у него как-то само собой. То есть - словно бы и по независящим от него причинам.

И если даже допустить, что Константин Натанович не прикладывал к этому никакого участия...

Но я почему-то подобного не допускал. Хотя и - допустить подобное мог. Видимо подпадая под какие-то чары этого человека. И немного недоумевая, что со мной происходит.

Глава 10

Гурий Афанасиевич Педалев - был эстет.

А еще он был кокаинист и педераст. Но об этих его наклонностях знал совсем уж узкий круг его знакомых. Особо, так сказать, приближенных.

Притом что сам Педалев был предрасположен к общению. И в душе даже радовался, когда удавалось одурочить того или иного человека. Наверное все-таки и не очень оставаясь довольным после этого. Но и не сдерживая себя, когда выходило что-то подобное. Выходило как бы само собой. Словно бы и не преднамеренно. Независимо ни от чего, и в особенности от какого-то желания Педалева.

.....

Гурий Афанасиевич любил быть независимым. Не решаясь, порой, себе признаться в этом. И понимая, что если так это все-таки произойдет, то он, должно быть, потеряет какую-то свою индивидуальность. И еще больше станет душевно ранимым. Ну или это все как раз происходило вследствие его (уж слишком, иной раз, нарочито выраженной) душевной ранимости. И тогда уже можно было предположить, что Гурий Афанасиевич сможет...

Да ничего на самом деле он не сможет. Ничего не сможет. А если и захочет, то это у него не выйдет. А он сам запутается в себе же. И актуальность потеряет все его предназначение. И он не сможет...

Да. Я все больше склонялся к мысли, что Гурий Афанасиевич тогда уже ничего не сможет. Ничего. Совсем ничего.

И даже не захочет он этого. И никто не поверит, что это так. А сам Педалев (из-за своей скрытности) будет совсем нам неинтересен. Потому что многое из нашего повествования уйдет на то, чтобы разгадать: что же на самом деле из себя представляет Педалев? А потом вдруг окажется, что на самом деле он ничего и не представляет. И видимо что-то такое я почувствовал уже только начав общаться с ним.

И закрепились мои предположения через время в моих мозгах. А потому вскоре я разорвал всяческие отношения с этим челвоеком. И поныне не жалею об этом. Иной раз быть может и недоумеваю: отчего же я все-таки вспомнил о нем сейчас?

И действительно: отчего?

Глава 11

Загаркин Антон Осипович занимал весьма ответственный пост.

Еще больше пост казался таким - с учетом достаточно обыденных мозгов Загаркина. Потому что многие были уверенны, что этот человек занимает должность - не соответствующую его интеллектуальному уровню. Хотя и назвать Загаркина глупым - было бы уж слишком преждевременным. Да и с возрастом у него мозгов не прибавилось. И таким, каким Загаркин был сейчас, таким же наверняка и останется. Лишь, быть может, еще больше научится приспособливаться к жизни. Станет еще более расчетлив и осторожен. Ну и ни больше. И в душе - все также останется ничтожеством.

И сколько бы не пытался Загаркин измениться (если, конечно, предположить - что пытался), то все равно все останется по-прежнему. И он будет действительно таким, как прежде. Ни больше и ни меньше. (Ну и, конечно же, не рассчитывая на какие-нибудь изменения.)

.....

Мне на самом деле все это надоело. Я совсем не понимал, почему вспомнил сейчас этих людей. Быть может они были дороги мне, потому что задействовали какой-то временной промежуток моей жизни?.. Пожалуй это было скорее всего. По крайней мере другого объяснения я не искал. Понимая, что его, в общем-то, и нет. А потому и не рассчитывал, что когда-нибудь встречу с этими людьми. Да и наверно даже, не особо-то и хотел этих встреч.

Но и Албушев, и Тараторкин, и Бармушев с Загаркиным - выдергивали какой-то особый ассоциативный ряд из моей памяти; провоцируя эту самую память порой на совсем удивительные воспоминания. И нисколько (уже поэтому) не желал расставаться я с ними. Быть может даже радуясь, что это все происходит так. И всякий раз с каким-то особенным трепетом вспоминая, что же стояло за этими именами. Ведь наверняка это могла быть и целая жизнь. Потому как, несмотря на короткий период знакомства, то, что случилось еще в этот же период времени (во временной период знакомства), и даже ничтожность возникшей ситуации, все это могло оказать весьма удивительное влияние на мою жизнь.

Все-таки потому, наверное, что это была моя жизнь. И по крайней мере для меня - она была дорога.

Так же как и чем-то дороги были для меня эти воспоминания. Воспоминания о чем-то прошлом. Воспоминания о каких-то эпизодах этой жизни.

И от всего этого было как-то по-особенному приятно. Да и, наверное, не могло быть иначе...

.....

Загаркин был жулик и вор. Воровство его не распространялось на что-то конкретное. Загаркину нравилось воровать уже по самому принципу существования воровства. И уже исходя из того, что не воровать он не мог, можно было рисовать тот или иной портрет этого человека. Человека, который на самом деле себя обманывал даже больше, чем других. Жалея, конечно же, где-то в глубине души жалея, что это так происходит.

И при этом совсем не в силах отказаться от подобного. Со всей ответственностью видимо признавая, что это была его жизнь. И другой жизни у него не было.

Глава 12

Михаэлян был почти полной противоположностью Загаркина. Рафаэл Валентинович Михаэлян был подчиненным Загаркина. Но насколько он ему в действительности подчинялся, судить было сложно. Мне казалось, что все подчинение было номинальным. И не больше. И если и походило на какое-то

подчинение, то лишь в присутствии других людей. Тогда как в действительности все обстояло несколько иначе. И Рафаэл Валентинович вел какую-то свою игру. Ни кого, конечно же, в собственные секреты не посвящая. Но у всех была какая-то уверенность... Нет. Наверное никакой уверенности ни у кого по отношению к тандему Загаркина и Михаэляна не было. Все понимали, что они уж очень разные люди, чтобы можно было им верить. Чтобы возможно было верить чему-то исходившему от них. И если по отдельности этих двух субъектов еще и можно было воспринимать, что вместе - ни за что. Да это и глупо могло оказаться для тех, кто решил бы подобным образом делать анализ действительности. Ведь ни на того ни на другого нельзя было положиться. И если первый (Загаркин) был недалек, глуп, и невежествен, то другой (Михаэлян) был просто пустым человеком. А если бы вы поручили ему какое-то дело, то легче уж вам было сделать это дело самому. Потому что Михаэлян будет демонстрировать любую видимость работы. Вы будете в душе довольны, что нашли такого удивительного исполнителя. А на самом деле окажется, что дело с места не сдвинулось. А если и сдвинулось, то лучше бы оно не сдвигалось. Ибо запутает Михаэлян все что угодно. Запутает до неузнаваемости. И вы наверняка (наверняка, наверняка, можете не сомневаться) уже и забудете, что ему первоначально поручали. Потому что возникнут перед вами десятки новых вариантов решений. И прорабатывая любой из них (в надежде, что он куда-нибудь да выведет), вы уже скоро убеждались, что это на самом деле путь в никуда. И притом, ни один из этих, уже быть может и проработанных, путей - не будет отвечать первоначальным требованиям. И на самом деле вас

еще больше ввергнет в замешательство. И будет так, и никак иначе.

.....

О внешности всех здесь перечисленных людей, наверное, нет смысла особо распространяться. Хотя чтобы вы хоть схематично представили их, скажу, что возраст у Михаэляна, Загаркина и Педалева (вспомним еще раз о Педалева) был в чем-то схожий. Середина сорока. Внешностью же, наверное, совпадали только Михаэлян и Педалев. Однако Педалев был все равно более худ. Хотя и не такой тощий, как Бармушев. И тогда Загаркин (маленький и круглый) был, пожалуй, в этом похож на Албушева (Фунтика). За тем разве что исключением, что Албушев все же был несколько выше его.

Разнился со всеми Виноградов. Роман Семенович Виноградов лет на десять был и моложе. И носил еще черные усы (безусые Албушев, Тараторкин, Бармушев, Педалев и Михаэлян - должно быть завидовали усам Виноградова и Загаркина. Причем у Загаркина усы были светло-рыжимы. И с ними он как-то уж слишком походил на любителя кунилингуса. Хотя, по сути, это наверное было и неплохо. Потому что Антон Осипов Загаркин действительно иной раз только припадая губами между ног той или иной женщины - чувствовал настоящее успокоение. И уверенность в своих силах. Являющихся проекцией к наличию у

него мужских способностей. Хотя, по сути, и по настоящему с женщинами у него получалось через раз. А то и через два-три...).

Если конечно нам на миг остановиться на сексуальных проявлениях наших героев, то я могу сказать, что какой-то скрытой в нем силой влечения обладал только Бармушев. Вот уж кто мог (и хотел и мог) заниматься любовью с женщиной (с разными, сменяемыми друг друга, и ничего друг о друге не знающими женщинами) часами. Хотя и причина, как мне кажется, крылась в том, что Бармушев просто-напросто не мог кончить. И пусть первую часть своего сексуального марафона он доставлял женщине удовольствие,-- потом, ничего кроме неудобства (а то и злобы) не было у той женщины - по отношению к Бармушеву. Потому что... Потому что, видимо, недоумение-то как раз сменялось злобой. Из-за неудобства. Ибо женщина уже вроде как и не рассчитывала (согласившись на секс с Бармушевым) кончать бесчисленное количество раз. И ей хотелось, как минимум, остановиться, отдышаться, успокоиться.

Но она продолжала ощущать в себе разгоряченный член мужчины. Мужчины, который совсем (судя по всему) не думал останавливаться. А ведь это все-таки накладывало свой, какой-то нежелательный, отпечаток в душе женщины. Потому что чувствовала она ответственность. И какое-то не очень приятное чувство вины зарождалось в ней. Вины за то, что мужчина доставлял ей удовольствие, а сам закончить не может.

И невдомек было ей, что он просто был не способен. И казалось такой бедной женщине, что это именно она повинна в

этом. И ей всячески хотелось исправить ситуацию. Но женщина не знала как. Не знала еще и от того, что женщин Бармушев старался подбирать себе все больше молодых да неопытных. Потому что, если бы попалась какая-нибудь прожженная молодчица, то скинула бы она с себя изможденного и мокрого от прилагаемых усилий (почти бесполезных усилий) Бармушева. А то еще и обозвала бы его каким нехорошим словом. И хорошо бы, если бы просто обозвала. А могла бы сказать и такое (и таким тоном), что Бармушев вообще бы стал после этого импотентом. И что уж точно, это бы еще больше омрачило общую картину сексуальной несостоятельности этого человека, Кобы. А там уж и действительно недалеко до импотентства. Но... Но к счастью Константина - грубые и невежественные женщины ему не попадались. А встречались наоборот - все больше тихие, ранимые, и по сути такие же несостоявшиеся личности, как и сам Бармушев. Константин Бармушев. Их сексуальный партнер. У которого и член-то начинал подниматься, когда он представлял, что находящаяся рядом с ним в постели женщина (женщина в этот момент могла делать все что угодно: сосать, курить, или лежать, уставившись в потолок), занимается любовью с тремя неграми. И настолько часто кончает от этого, что от представления подобного готов был кончить и сам Бармушев. И пусть это у него не получалось (меньше чем через час после начала, это у него никогда не получалось), но член-то у него вставал. И Коба приучил себя, что для него это - чуть ли не самое главное. Ну, так уж выходило...

Глава 13

Мне бы задуматься, почему выходило так, что на моем пути большей частью попадались люди, желающие в чем-то на мне нагреться. Так сказать, внутренне - поиметь меня.

Притом что я к этому как будто не выказывал никакого повода. И даже, наверное, сопротивлялся.

Но вот только сопротивление это зачастую оборачивалось во вред мне. И все мои попытки не только разобратся, но и прекратить подобное впредь - были уже изначально безрезультативными. Словно их и не было. Словно я наоборот - хотел что-либо пожелать (сделать) во вред себе. И уже получается, не только хотел, но и делал. И все хотя бы на миг прекращалось лишь только тогда, когда я действительно проигрывал. А те, кто решился поживиться за счет меня - чувствовал свое могущество.

.....

Я действительно все время хотел разобратся: было так все действительно? Или это все-таки происходило в результате моего искаженного взгляда на мир. И на самом деле... На самом деле не было...

А может и быть не могло.

Но тогда уже получается, мне все это казалось? Казалось настолько, что я не мог определить: где же закралась ошибка? Почему мне вообще пришлось ошибиться? Почему я никак не мог

исправить ситуацию? Почему тогда, когда я хотел действительно что-то выправить - или оказывалось что я уже опоздал, или же наоборот, мне не верилось, что возможно что-то изменить в лучшую сторону. И все может как минимум остаться так, как есть. А в другом случае,-- и обернуться против. Оказаться там, где уже совсем нет ничего. Где запутанность ситуации покажется нормой. Где мне придется смириться с тем, что картина вырисовывается совсем нелицеприятная. А формат проходящей мимо меня жизни - не подвластен мне. И уже кажется, что ничто не способно удержать его. Изменить в какую-либо иную ситуацию. Чтобы выглядеть, быть может, чуть более презентабельнее, чем это есть сейчас. И чтобы ничто не способно было помешать этому.

Странно, конечно, это все. Более чем странно.

Но не в этой ли странности когда-то находил я себя? Соотнося с миром уходящей реальности. Ловя какие-то совсем ненужные мгновения. Делая ставку на нечто совсем туманное и загадочное. Чтобы уже после - стремиться убежать от этого. Не поддаваясь на что-то, что может мне когда-нибудь и помочь.

И так уж получается, совсем не рассчитывая на это.

Почему так происходило?

Прежде всего, наверное, мне следовало спросить самого себя. Но я уже знал почти непреложную истину: сколько я себя не спрашивал, ответов не находил. И от того уже склонялся к мысли, что их и вовсе не было.

При этом понимая, что ошибаюсь. Потому как абсолютно на все случаи жизни ответы должны существовать. Другой вопрос,

---

что эти ответы могли быть неправильными. Показаться мне таковыми. Выглядеть совсем не так, как это могло быть. Могло бы быть. Да и, наверное, было.

Но я в это не верил.

.....

Удивительно, но несмотря на мою все время прорывающуюся непрактичность, я тем не менее иногда ловил себя на мысли, что по сути, все держится именно на мне. Потому что инициатором всех встреч, происходящих со мной (и с моим участием) был тоже я. И какие-либо отказы - именно я - обращал в плюсы. Только в плюсы. (И пусть эти плюсы, выглядевшие так поначалу, со временем исчезали. Это уже в какой-то мере было не главное.)

Хотя я, наверное, и мог по настоящему растеряться: что же было главное? Ведь случалось, что это мы делаем основную - и главную - ставку. И даже наоборот, подобным (неверным, конечно же, неверным) взглядом - мы наносим вред самим себе.

Но это уже все было действительно не главное. А вот что тогда было главным - действительно вопрос. Вопрос...

Вопрос, на который я даже боялся искать ответ. И так выходило, что правильно делал.

Глава 14

Мне никогда толком не нравилось мое театральное образование.

И все-таки я понимал, что в своей юности (а я в двадцать два уже закончил первый вуз) сделал правильный выбор. Потому что не будь этого, мне все равно пришлось бы выждать какое-то время, пока бы мои мозги (и это было правда) не сформировались бы окончательным образом в выборе тех приоритетов, которые сделал я чуть позже.

И получалось так, что я в который раз должен был благодарить судьбу, что все это вышло именно так, а не иначе. Если "иначе", то сколько-то лет (пять - десять, а то и пятнадцать) мне пришлось бы потратить практически впустую, занимаясь в лучшем случае лишь самообразованием. А так я перепрыгивал из одного поезда в другой. И к моменту моего тридцати семилетия (почти сегодняшнее время) успел уже закончить четыре вуза. По двум из них - защитив диссертации. А значит как минимум - все было правильно.

Что, конечно же, нравилось мне. Не могло не нравиться. И заставило (как бы - заставило) переключиться на совсем другое восприятие действительности. Да еще и так, что трудно было предугадать какое. Но то, что я стремился к чему-то удивительно прекрасному (в собственных попытках познать мир) было, как говорится, без вопросов.

Да... так это на самом деле и было.

.....

К своему характеру и философскому образованию я прибавил экономический и юридический факультеты еще двух вузов. И в итоге уже получалось, что я мог считаться вполне

грамотным человеком. Подкрепляя свои знания решением каких-то жизненных моментов, возникающих на моем пути. Более-менее успешным решением. Тогда как лишь только лет восемь-десять назад я понял (точнее, способен был в этом себе признаться), что мешало мне все время совсем даже иное.

Что мешала? Моя тревожность. Мое беспокойство. То мое чувство тревоги, которое сидело у меня внутри (базируясь, вероятно, в подсознании), и в соответствии с существованием которой я должен был контролировать свою жизнь. Уже как бы и вынужденно подстраиваясь под то безумие, с которым как минимум вынужден был считаться.

.....

Понимаю сейчас, что для меня это было достаточно тяжелое время. Ведь приходилось, по сути, все время находиться в каком-то подвешенном (полу подвешенном как минимум) состоянии. Все время (интуитивно, подсознательно) оглядываться на свое внутреннее состояние. Ожидать какой-то нехорошей реакции.

И уже с каким-то мазохистским трепетом ожидая этого, замечать в себе развитие каких-то фобических зависимостей. Существование которых я раньше, быть может, никогда и не предполагал в себе. Но как-то быстро вынужден был признать их существование. С горечью признать, разумеется. И с почти безучастным трепетом взирать на происходящее. Совсем, быть может, его и не корректируя. А как бы смиряясь. И не рассчитывая на что-то другое.

.....

Где-то рядом было и мое восприятие действительности. Ведь так хотелось мне не обращать внимания на действительность. Хотелось жить (продолжать жить) в каком-то своем мире. Пусть это и был мир иллюзий. Пусть. По сути ничего такого уж страшного в этом не было. Ведь я всегда считал, что люди живут в соответствии с какими-то установками, придуманными для самих себя. И их жизнь в большей мере зависит от наличия этих самых "установок", чем это даже можно было предположить. И в соответствии с этим (уже в соответствии) они надевают на себя соответствующую маску. Чтобы после ее уже не снимать. Потому как вдруг оказывается, что гораздо труднее ее надеть, чем потом от нее избавиться. От нее и прежде всего от того образа, который вызывает она в представлении окружающих. А образ как бы уже тянет за собой и те модели поведения, в которые ты, таким образом, должен уже подпадать. Вписываясь в стереотипное поведение тебя как представителя этой маски - в проекции со стороны окружающих. И в соответствии с этой маской (с существованием ее) вы уже начинаете строить жизнь. И реагируете на какие-то ситуации, возникающие в вашей жизни тоже исходя из наличия в вашем подсознании той или иной установки. И вот это я наверное понял уже давно. Пусть и окончательно смог сформировать это много позже. Но вот интуитивно нащупал давно. И ничего нельзя было с этим поделаться. Ничего. Надо было (действительно надо было)

только смириться. Строить (продолжать строить) свою жизнь уже в соответствии с этим. Чтобы ничто больше не нарушало спокойствия. Единения, к которому, замечу, я всегда стремился.

И это было действительно так, и никак иначе. Иначе просто, наверное, и невозможно.

Глава 15

Ада - была вполне обычной женщиной, без всяких ярко выраженных достоинств.

Даже к сексу она относилась постольку-поскольку. И не отвергая, но и не поощряя его. Воспринимая секс просто потому что он был. Существует. Разумеется, существует, почему бы и нет,--говорила она себе. Добавляя что существует с кем, только не со мной.

Поэтому и первый мужчина у Ады появился, когда ей было уже двадцать шесть лет. И сексуальные отношения у нее начались и продолжались с периодичностью раз в месяц - в течении полугода. Потом на год-два прерывались. Потом вновь. С той же самой периодичностью в лучшем случае. А скорее всего - еще реже. Ну и так далее.

Я познакомился с Адой - когда ей уже было тридцать. Ада оказалась завзятой театралкой. И к моему небольшому огорчению ей понравились мои спектакли. Вернее, понравились-то они ей еще и раньше (чем мы познакомились). И даже как я узнал, несколько раз Ада порывалась (можно только

предположить, что ей это стоило) со мной встретиться. Но словно бы что-то все время отдаляла этот миг.

А потом Ада во что бы то ни стало решила увидеть меня. И почему-то убедила себя, что заинтересовать меня может только сексом. Что для меня было удивительным, догадываясь к какому типу принадлежит эта женщина. Поэтому и зная, на какие она готова пойти ради этого жертвы (а для нее эта действительность была жертва), я при каждом удобном (для нее) случае отдалял нашу близость. И даже не потому, что Ада мне была не интересна. Нет. Посмотреть как эта с виду монашка преобразиться, когда начнет испытывать сексуальное наслаждение -- это дорогого стоило. А смотреть на лицо женщин, подобных Аде, во время оргазма, я любил. Но сейчас мне этого совсем не хотелось. Вернее, больше не хотелось, чем хотелось.

Но через какое-то время я все же был вынужден заняться любовью с Адой. После того как осознал, что для нее возможность секса со мной не просто жертва, а какая-то искупительная жертва. После которой сознание Ады перейдет на какой-то новый этап развития. А она сможет перешагнуть тот барьер (ранее недоступный), перед которым обычно всегда спотыкалась ранее.

И уже осознав это, я действительно пошел на контакт с ней. И даже спровоцировал нашу близость. Притом для меня так и осталось загадкой - получила ли Ада то, что хотела. Ведь не в испытании сексуального наслаждения заключался ее секс со мной. В том-то и дело, что нет. Ада желала несколько большего. И я все же склоняюсь к мысли, что с какой-то мертвой точки сдвинуть ее

удалось. Почему и мог отметить я про себя хоть маленькую, но победу. Победу...

Что было больше в той "победе"? Мне начинает казаться, что что-то вынес и я из общения с Адой. Почти от любого человека можно получить какой-то опыт. Разумеется, опыт этот мог получиться не только положительным, но и отрицательным. Но ведь это все равно был опыт.

В отношении же Ады я понял одну истину: женщина может действительно интуитивно нащупать, что должна чем-то поступиться (какими-то своими быть может даже и принципами), чтобы обрести нечто большее. Чтобы перейти на какой-то новый, другой, этап развития. Чтобы решить (перейдя на него) свои новые какие-то цели и задачи.

Просто для выполнения их раньше -- необходимо было соблюдение некоторых условий. И если сейчас они были соблюдены, то уже значит и можно торжествовать пусть маленькую, но победу.

А уже от этого, конечно же, приятно было и мне и ей. Не только мне - но и ей. Ей, и - разумеется - мне.

Еще чуть подробнее остановившись на том влиянии, которое оказала на меня Ада, могу сказать, что на самом деле никакого влияния, исходившего от нее, я конечно же не замечал. Но оно бесспорно было. Потому как (на мое удивление) стал изменяться и я сам. И мои последние отношения с другими женщинами строились уже исходя из опыта с Адой. Вернее - построились, уже исходя из опыта с этой странной женщиной. Женщиной, которая открыв для себя секс, и убедившись, что он

достаточно благотворно влияет на нее - все равно избегала его. Воспринимая неизбежность подобного - действительно как неизбежность. Хотя и неизбежность приятную.

Ада была среднего роста, слегка полноватая, хотя и на самом деле я знал, что это был больше визуальный обман, чем какая-то действительность. Потому как 70 кг, при росте метр 65 - это совсем и немного. Особенно если жировые отложения распространялись планомерно между грудями, бедрами, и ягодицами. И на животе почти ничего не было. А если и было (совсем, замечу, незначительно), то только дополнительно возбуждало.

Лицо у Ады было обычное. Не красивое, но и не страшное. Так, что взглянув на него раз - вы могли и не узнать его во второй. И даже когда между нами произошла сексуальная близость - я все еще продолжал не узнавать Аду. Путая ее с десятком похожих на нее женщин. И не решаясь сделать для себя окончательный выбор: кто же из них была она.

Помню, я как-то созвонился с Адой по телефону, назначив ей встречу на выходе (в вестибюле) метро Гостинный двор Санкт-Петербурга, где она и жила неподалеку. А придя за четверть часа до назначенного времени и став слегка в отдалении (так, что мог, не опасаясь быть замеченным, наблюдать за другими) был в какой-то уверенности что Ада опаздывает.

Притом что оказалось, что она тоже пришла чуть ли не за четверть часа. И выяснил я это только набрав номер ее мобильного телефона (для меня уже было удивлением что у Ады был мобильник), и увидел что взяла трубку девушка, давно уже

стоявшая неподалеку от меня (у Ады было слабое зрение, но очки носить в общественных местах она стеснялась).

Что я еще мог сказать об Аде?

Наверное то, что по прошествии года, минувшего с начала нашего знакомства, Ада заметно преобразилась. Став раскрепощенной и раскованной (свойство многих людей общавшихся со мной). И уже инициатором многих наших встреч оказывалась именно она. Причем все больше наше общение сводилось к коротким фразам, которые происходили во время нашей близости. А уж если и начинались какие-то беседы, то все чаще почти исключительно после обоюдного (и почти одновременного) оргазма. Причем Ада, со временем распробовав, наконец, всю прелесть сексуального наслаждения, уже все больше начинала думать только об этом. А какие-то духовные ценности ее стали интересовать меньше.

И с этим ничего нельзя было поделать. Природа как бы восполняла ранее не полученное. И это тоже было в духе Ады. Потому что какой-то середины у нее на самом деле не было. И если она начинала заниматься чем-то, то стремилась за максимально отпущенное на это время получить все. И на то, что другие постигали за годы - Аде хватало нескольких месяцев. И она наверное могла считаться одной из лучших моих учениц. Ибо ей действительно удавалось понять почти все, чему я ее учил. Причем (и мне это по особенному нравилось) Ада в первую очередь стремилась ухватить самую суть. А уж потом (в ее исполнении) это распространялось на какие-то детали и частности.

Глава 16

Ангелине было двадцать семь лет. Выглядела она примерно на столько же. Ее отдал мне мой товарищ. Который только познакомившись с ней, и начав почему-то рассказывать про меня (хотя про меня он, как я знал, рассказывал постоянно, и при всяком удобном случае переводил разговор на наличие у него такого товарища; что-то совсем незначительное мешало нам стать друзьями) понял, что девушка уже заочно в меня влюбилась.

Поэтому он и свел меня с ней. И она отдалась мне почти тут же. За какой-то надобностью пригласив меня в соседнюю комнату и видимо прочитав в моих глазах не сопротивление этому - опустила передо мной на колени и стала сосать мой пенис.

Потом я взял ее сзади. Потом увлекся, и мы в общей сложности занимались любовью полтора часа. А гости (видимо предполагая, что мы именно этим занимаемся) постепенно разошлись.

Почему я сразу согласился на какой-то контакт с ней?
Сексуальный контакт.

Здесь я уже могу заметить, что возможность подобной близости (без каких-либо прелюдий и долгих ухаживаний) вполне предполагалось мной. Просто это становилось возможным не со всеми (далеко не со всеми) женщинами. Но Ангелина на удивление принадлежала к их числу. На удивление, потому что не каждый раз можно было встретить таких "понимающих" (все - без слов - понимающих) женщин. И это действительно становилось возможным-то лишь только потому, что существовало всегда (в

отношениях между мужчиной и женщиной) нечто большее, что угадывалось интуитивно, и на что не распространялись какие-либо правила.

Другими словами, что происходило словно бы само собой. И что действительно было. Было, есть, и будет.

Тем более что в наших отношениях мы совсем не требовали друг от друга каких-то особых обязательств. И все действительно предусматривалось само собой. Причем без этого уже и нельзя было обойтись. Хотя это и, конечно же, нравилось нам обоим. Нравилось...

Лина занимала какую-то руководящую должность в кафе.

Причем уже сама ее работа могла доставлять мне некоторые причины для ревности. Потому что, зная ее невозможность отказать мужчине (и видимо мужчины это как-то по особенному чувствовали), я догадывался, каким образом ей удавались многочисленные проверки различных фискальных органов "сводить на нет".

Конечно, не всем проверяющим Ангелина делала минет, или позволяла любить себя. Но какая-то часть (и я подозревал не очень маленькая) этих проверок заканчивалась именно этим. Хотя, повторюсь, у меня не возникало какой-то ревности. Скорее даже наоборот, представлял я как кто-либо другой "любил" (и фантазия моя рисовала отчего-то именно извращенную форму любви) Лину, я заводился еще больше. И вгонял свой член в Лину с повышенным азартом. Что, впрочем, всегда доставляло Лине исключительную радость и удовольствие.

И ей действительно это нравилось. Нравилось еще и потому, что Лина совсем не могла без секса. Ни дня. И если трахали ее не вы, - то вы могли не сомневаться, что Лина все равно возьмет свое (догнавшись на стороне). Поэтому я и стремился успевать заниматься с ней любовью по два-три раза на день. Словно бы подсознательно стремясь побыстрее исчерпать ее лимит. И все равно оставаясь неуверенным (три-четыре суммарных часа занятий любовью для нее еще совсем ничего не значили) что это так. И что за этот день Лина мне ни с кем изменять не станет.

Хотя... Могло ли это считаться изменой? Ведь никакими обязательствами по отношению друг к другу мы себя не сдерживали. Что вероятно и рождало в моих фантазиях сцены насилия, совершаемого над Линой. Причем о некоторых фактах такого насилия Лина мне рассказывала и сама (у девушки вдруг появлялась какая-то загадочная потребность выговориться). А ее отсутствующий вид совсем ничего не значил. Потому что я знал, что Лина способна кончить только при виде эрегированного мужского члена.

У девушки было прекрасно развитое воображение. И картины, которые она рисовала, были достаточно живописными.

.....

--Как это удивительно, что мы встретились,--лежащая рядом с Валерием Дмитриевичем обнаженная девушка, улыбнувшись, посмотрела на него.

Валерий Дмитриевич, словно в одобрение ее слов, нежно и медленно провел рукой по ее бедру, ягодицам, пояснице (отметив про себя изгиб спины и общую стройность девушки). Расслабленная ладонь мужчины остановилась на груди девушки, секунду-другую поиграв указательным пальцем с ее сосочком, Валерий Дмитриевич подумал, что он очень благодарен Лине. Благодарен не только за полученное удовольствие, но и главным образом за то, что она нисколько не противилась фантазиям, исходившим от него. А даже наоборот, старалась предугадывать их. Чтобы наверняка доставить мужчине еще большее наслаждение.

--Удивительно,--нежно проворковала девушка.--Но наши фантазии во многом удивительно совпадают.

Валерий Дмитриевич понял, что девушка сейчас думает о том же, о чем думал он, и его не мог не радовать сей, как будто и незначительный, факт.

Лина Валерию Дмитриевичу нравилась еще и потому, что в отличие от своих подруг (с половиной из которых он успел переспать) не задавала глупых вопросов. И совсем не спрашивала - любит ли он ее. Ведь это предусматривалось как бы между прочим. Или не предусматривалось. И в любом случае - Лина никогда не переступала тот барьер, за которым у Валерия Дмитриевича по отношению к ней могло возникнуть какое-то недовольство.

И такого недовольства не было. А Таганкину нравилась любовь этой женщины. Женщины, которая была так непохожа на

десятки других. На десятки, а то и сотни (скорее даже - сотни) из побывавших в его постели.

--Вот, посмотри на меня... Нет, нет, я прошу тебя - посмотри,--девушка играла с Валерием Дмитриевичем, пытаюсь заставить его посмотреть на нее.-- Мы ведь должны быть долго вместе?--спросила она, когда добилась того, чтобы мужчина, принявшись целовать ее грудь, хотя бы изредка посматривал на нее.--Скажи: ведь это так?

--Конечно же так,--произнес занятый своим делом мужчина. И видимо желая предупредить возникновение остальных вопросов, он принялся целовать ее уже не только грудь, но и живот, и то, что было уже несколько ниже. И остановившись там, между разведенных в сторону ног девушки, вдруг с таким жаром принялся всасывать в себя все, что находилось у него перед глазами, что девушка действительно перестала задавать вопросы. И только осторожно постанывала, еще видимо не решаясь по настоящему закричать.

Но крик был не нужен Валерию Дмитриевичу. Он все понимал и так.

.....

Я понял, почему, собственно, какие-то слова женщин, с которыми я общался, были мне безразличны. Хотя безразличны, наверное, это слишком грубо. Но я действительно не обращал на

них никакого внимания. Словно бы и не желая, чтобы мне что-нибудь говорили.

Так было потому, что я заранее и знал и предполагал, что они мне скажут. Что им будет известно. И так могло быть еще и потому, что всех женщин, которые встречались на моем пути, я как-то инстинктивно недооценивал.

Но недооценку - совсем не следовало путать с безразличием. А тем более недовольством. Совсем даже нет.

Что касается недовольства, так его не было и в помине. Ведь каждую встречающуюся мне женщину (как и вообще, наверное, каждого человека), я оценивал с позиции получения необходимого мне жизненного опыта. И соответственно, чем больше было одних, тем больше и другого. Между данными понятиями вообще (достаточно явно) просматривалась зависимость. И уже в соответствии с наблюдаемой проекцией одних по отношению к другим -создавалась некая геометрическая прогрессия. А вырисовывающаяся картинка явно свидетельствовала, что я был на верном пути (притом что сам путь иной раз еще не просматривался).

И здесь напрашивалась какая-то подсознательная (подсознательным в данном случае выступало нечто малозаметное, интуитивно угадываемое) связь с философским восприятием действительности.

Вообще, что касается философии, то сегодняшние мои обстоятельства (в которых я оказался) как бы уже заставляли говорить о философичности бытия. Ни больше, ни меньше.

И тогда уже мое восприятие действительности становилось заметно именно с этих позиций. Когда нечто

конкретное (о котором я думал что это так) на самом деле большей частью видится мне именно как не совсем тотчас же распознаваемое, не угадываемое. Не совсем угадываемое. Словно бы это существует не на самом деле, а лишь в какой-то предполагаемое проекции. А на самом деле есть лишь как нечто ирреальное. Незаметное. В действительности - незаметное.

И тогда уже, если это действительно так, то совсем ничто как будто и не сможет помешать видеть мне окружающую меня действительность в другой плоскости. Словно этого в действительности не существует. Приоткрывая (как бы уже само собой) передо мной какие-то новые и удивительные перспективы. Перспективы того, что происходит. Что существует. Что просто обязано существовать. И совсем не прося чего-нибудь взамен.

Это было по настоящему удивительное ощущение.

Ощущение сопричастности к чему-то удивительному, быть может даже бесконечному. Словно без существования этого ничто невозможно. И мы не будем так-то уж долго останавливаться на этом хотя бы потому, что это столь редкое и удивительное качество существования реальности, что о нем не хочется говорить. Его надо прочувствовать самому.

Глава 17

Условность... Вся моя жизнь состояла из этих самых условностей. Я не решался с точностью сказать о чем-либо, потому что уже заранее предполагал нечто большее, чем могло быть в реальности. Чем могло вообще существовать. Потому что всегда существовали некие шаги к отступлению, благодаря

существованию которых я понимал, что ту или иную ситуацию просто не следует воспринимать лишь с одной какой-то плоскости ее восприятия. И всегда предполагается нечто большее, чем есть на самом деле.

И уже именно это мое понимание видимо и не позволяло мне выносить какие-то отдельные категоричные суждения. Да я и вообще стремился отойти (всячески отойти) от какой-либо категоричности. Наперед зная, что действительность намного значительнее и обширнее, чем какое-либо распрекрасное воображение. Разве что я еще оставлял какие-то возможности к воображению больному. Ибо мозги, пораженные "деменцией прекокс" (*dementia praecox*) наверняка могут преподнести еще совсем даже и не такое.

И никто тогда уже в действительности и не способен предположить, что получится в этом случае. Потому что наверняка перед нами предстанет что-то загадочное. Как минимум загадочное. А то и скорее всего - совсем нереальное.

Но уже как бы само собой разумеющимся будет то, что нереальным оно является исключительно потому, что это непонятно индивиду с какими-нибудь пусть даже распрекрасными, но обычными (относительно здоровыми я бы сказал) мозгами. И в этом случае какая-никакая обыденность будет и оставаться именно такой же. Ни больше и ни меньше. А сила нашего воображения на самом деле способна творить и не такие чудеса. Чудеса быть может даже неподвластные нам. Чудеса... Которые на самом деле и не будут такими уж чудесами. Потому что... Да потому что и чего-то иного невозможно. Не дано. Даже, наверное, действительно не дано.

Глава 18

Диана во многом мне казалась забавной девушкой.

По образованию она была журналисткой. Работала, правда, в какой-то малотиражке выпускаемой в Лен. области. И что касается денег, насколько я мог догадываться, много никогда и не зарабатывала.

Но у Дианы был "Ситроен" трехлетка. А помимо "Ситроена" -- и обеспеченный любовник-бизнесмен. Который суживал Диане определенную сумму каждый месяц. Благодаря чему журналистикой она могла заниматься в удовольствие. Как, впрочем, и любовью. Любовью например со мной. Хотя и помимо меня, Диана (высокая, худая, загорелая, с горящими глазами и необузданными сексуальными фантазиями) занималась любовью с теми, с кем желала. Потому что была она в свои двадцать три года - девушкой независимой. И совсем не терпела каких-то запретов. Предполагая, что в отношении ее никаких запретов и не существовало вовсе.

Диану достаточно сложно было чем-то удивить. Казалось, что все она воспринимала с той долей предполагаемости какого-либо события, что даже если какое событие на самом деле и не предполагалось, то это было (по ее словам) "ничего страшного". И означало лишь какое-то незначительное упущение с ее стороны.

Притом что никаким упущением это на самом деле не было. Уже хотя бы потому, что все и всегда можно исправить. А

если так, то зачем же ей о чем-то горевать, расстраиваться, гневаться? Это было бы, по меньшей мере, излишне. А в действительности - еще и достаточно глупо. Совсем уж глупо.

И тогда уже совсем не существовало почти ничего, из-за чего Диана могла бы испытать раздражение. И, опять же, не потому, что она научилась сдерживать себя. А уже скорее вследствие наличия у Дианы ума. Того ума, который мне так нравился в женщинах. Потому что как раз ума большинству женщин не доставало. В особенности красивым женщинам. Потому что у красивых женщин сама красота компенсировала недостаток чего-либо. И в данном случае она компенсировала недостаток ума. Хотя в отношении Дианы эта гипотеза удивительным образом не распространялась. Потому что она была на удивление красива и обворожительна. И догадывался я (если честно то и знал), что не я один пал жертвой ее женской привязанности. Когда в действительности никакой привязанности быть может и не было. Но тому или иному мужчине - так хотелось. А значит, на него в полной мере распространялось действие чар этой загадочной женщины. Женщины, которую я трахал самым жестоким образом; изводя ее многочасовыми сексуальными сеансами. А ей это только нравилось. По крайней мере я не услышал ни одного слова, жеста, даже возгласа - против. И во всем наблюдалось ее покорность и согласие. И так это на самом деле было.

.....

Несмотря на возраст, в Диане просматривалась достаточно ярко выраженная твердость и решительность. Хотя и в большинстве случаев (уже могу заметить), подобные качества характера не зависели от возраста. Они как бы - или были, или их не было.

В Диане они были. Потому и большинство ее мужчин имели качества, как бы противоположные.

И тем самым урегулировались отношения. И наблюдалась даже в этих отношениях гармония.

Я бы мог, конечно, заметить, что не все мужчины Дианы были таковыми. Некоторые из них оказывались предрасположены к наличию у себя той же решительности, что и у девушки, с которой общались. Но вот удивительное дело. Если это было так (если допустить, что это так), то почему тогда у них никогда (ни разу!) не просматривались подобные отношения в общении с Дианой?

И уже здесь можно было делать немало каких-то предположений. Закрадывалось даже подозрение на существование какой-то мистики. Кто-то упоминал в разговоре со мной особую магию слов, мимики, жестов, под которую попадали все, кто общался с Дианой. Я же на самом деле склонялся к одному: мужчины просто видели в лице Дианы ребенка, который вдруг стал делать взрослые вещи. И от этого они млели, да и вообще готовы были совершать поступки, которые никто бы из них раньше себе не позволял.

.....

Я немного опасался Дианы.

Уж очень она мне казалась независимой. А при каких-то положительных моментах подобного поведения это ведь была еще непредсказуемость. Та непредсказуемость, которая могла в отдельные моменты и выйти мне боком. Потому что в подобных совместных отношениях совсем не закладывалось наличие у меня какого-то противостояния. Словно бы этого противостояния у меня и вовсе не было. Что было, конечно, не так.

И уже потому, предполагая все подобные расклады (и заранее просчитывая ситуацию), я стал отдалять от себя Диану. Большею частью, конечно же, перестраховываясь. И нисколько не рассчитывая, что Диана что-либо поймет.

Но она поняла. Причем поняла настолько, что сразу стала для меня намного желаннее большинства моих любовниц.

.....

При росте 155 см., Диана весила всего 40 кг. Носила короткую мальчишескую стрижку. И даже внешне была похожа на мальчика. Причем (неудобно, конечно, об этом говорить), но и все сексуальные контакты, случавшиеся между нами (так уж вышло) приходились в одно место. Догадайтесь сами в какое...

Глава 19

Как ни крути, но Ева была законченная блядь. И даже внешний вид у нее был такой. Блядский. И ничего с этой ее склонностью к разврату нельзя было поделать. Потому что при виде Евы -- вы сначала думали о том, чтобы удовлетворить свои сексуальные желания; удовлетворяли их; а потом начинали рассуждать (чаще всего про себя, и еще не успев вынуть пенис из какой-либо особо понравившейся вам части тела Евы) о том, как бы эту тридцати трехлетнюю самку исправить. Сами же и понимая, что ни одним вашим предположением Ева не воспользуется. А то и пошлет вас. А значит перспектива вашей дальнейшей близости с этой женщиной так и останется перспективой.

Чего никому, конечно же, не хотелось. А потому и лелеяли Евочку; и льстили ей. И вообще, делали множество различных уступок этой женщине. Зная наперед, что все это с лихвой компенсируется сексом. Сексом, при занятиях которым Евочка удивительным образом преобразовывалась. И вы получали все, на что даже не могли и рассчитывать. Потому что Ева была действительно блядь. И поднимала вас на такие высоты, с которых вы попросту боялись упасть. Но как раз с Евой вы не задумывались об этом. А лишь засучив рукава ебали и ебали ее. И попробуйте только сказать, что вам это не нравилось.

Глава 20

Инга была мягкой и податливой девушкой. К ее несчастью (если это было несчастьем), она не могла никому отказать. И поэтому "пользовались" ей достаточно часто и

подолгу. Потому что как-то выходило, что попадались Инге сплошь и рядом одни полу импотенты. Для которых, впрочем, Инга была чуть ли не единственной отдушиной. Потому что как раз с ней - у них все получалось. Пусть даже и не совсем так, как они этого хотели.

И выходило так, потому что в постельных утехх Инга не знала никакого разнообразия, и не выказывала особого умения, кроме как лежать неподвижно, и лишь более-менее развести ноги; да и то, только для того, чтобы пенис мужчины смог войти в ее плоть.

При этом могу заметить, что заблуждались те, кто считал, что Инга совсем не получает никакого удовлетворения. Просто о каком-то удовлетворении ей было стыдно признаться. Но она его конечно же испытывала. Пусть и не показывала.

Не показывала еще и от того, что Инга всегда была слишком скромной. И совсем не любила какие бы то ни было показушные варианты. Словно предполагая, что все должно быть понятно без слов.

С таким отношением к жизни она на удивление нравилась мужчинам. И я уже могу заметить, что тот или иной воздыхатель Инги дорого бы отдал, чтобы испытать на себе ласки этой женщины вновь. Притом что, конечно же, и ласок особых никогда не было. Но от одного лишь предположения, что вы будете любить эту женщину - у вас уже вставал.

И я думаю, это говорило о многом. Ибо существовало достаточное количество мужчин, для которых подобное отношение к сексу со стороны женщины - было чуть ли не важнее

самого бурного проявления женщиной эмоций в постели. И для них никаких особых движений женщины в постели и не требуется. Достаточно лишь одного присутствия.

Такие девушки, конечно же, были мне известны. Но вот из всех выделялась Инга. Она явно выделялась из тех, кто мог считаться моими девушками. Из тех, с кем периодически я спал. И не ревновал к ним других.

Любил ли я ее? Любил. Хотя это и была некоторым образом странная любовь. Ну, так уж вышло.

Глава 21

С каждым разом я все больше запутывался.

Вскоре меня перестали радовать былые победы. Они стали казаться маленькими и незначительными.

Иногда даже приходилось сомневаться в достоверности их. И что-то гнусное, что сидело глубоко внутри и не поднималось выше, чтобы я это мог изловить и уничтожить, рисовало мне совсем невыносимую и ужасную картину. После чего мне уже совсем не хотелось жить. И я боролся с искушением прекратить подобные страдания. Нарушить единую цепочку навалившихся на меня проклятий. И не дать им больше воплощаться в реальность, окружавшую меня. Реальность и действительность, в которой мне не было места. Где я сам себе казался чужим и не нужным. И совсем неизвестно сколько бы это продолжалось, если бы я вновь (как и обычно, при возникновении таких ситуаций) не убедил себя, что половины из того, что я себе накрутил, попросту нет. А

другая половина тоже не имеет права на существование. Потому что была искажена. Попросту искажена. Искажена точно также, как и любое мое восприятие действительности. Потому что не было в этом восприятии ничего правильного. Все, быть может, и могло существовать, но с долей таких условностей, которые становились возможными лишь при взаимном существовании еще ряда факторов.

И в итоге я почти удовлетворенно начинал склоняться к мысли, что это все как минимум бред. А как максимум - нечто выдуманное. Рожденное иллюзией существования разума. Того, что может быть, на самом деле и не существовало никогда. Но что наверняка -- имеет определенную основу и право на существование. И я уже волей-неволей, но должен был цепляться за это мое (пусть и несколько искаженное) представление о действительности. Но ведь и иного выхода почти не существовало. Потому что... Потому что я все же надеялся, что смогу разобраться в закономерностях существования моей жизни. Чтобы впредь не возникало никаких критических ситуаций. И главным было - понять механизмы зарождения в человеке тех или иных мыслей. Разобраться, возможно ли последовательное воздействие на появление их. Не будет ли так, что мы уже как будто и думаем, что все у нас получается, а на самом деле это совсем еще ничего и не значит. И могу заметить, что где-то так все, наверное, и представлялось мне. Пусть в течение многих лет это еще и складывалось в какую-то цепочку умозаключений. Притом что до сих пор еще до конца и не сформировалось окончательно.

Но это и нормально. Потому что как будто остается разбег для дальнейших умозаключений. И ведь действительно,

---

неизвестно еще, какие родятся у меня выводы в отношении всей этой сумрачной действительности. Хотя и уже могу заметить, что я иной раз словно бы намеренно запускал пониженные обороты. Стремясь предупредить все то зло, которое наверняка должно было обрушиться на меня, дай я волю всему, что меня окружало. А так... А так, я, быть может, еще и удивлялся, что удалось более-менее легко отделаться.

Глава 22

Лиана. Лиана...

Всякий раз, когда всплывает в моей памяти это имя, вспоминаю я улыбающееся лицо этой девушки. Хотя; скорее следует говорить о женщине. Потому что к моменту как я познакомился с Лианой (нас познакомили) было ей уже сорок два.

Но это ничего и не значило. Потому что будь она еще старше, или наоборот - моложе, она более чем вероятно осталась бы такой же. Любительницей мужчин. С крупным телом, развитыми грудями, вечной, никогда не сходившей с ее лица улыбкой; белыми (всегда немного взлохмаченными) волосами; и какой-то невероятной доступностью.

Доступностью, которая прочитывалась в ее глазах, стоило только взглянуть в них. И я могу быть уверен (притом что знал наверняка), что не один десяток мужских глаз сразил этот взгляд.

И потому, что отдавалась Лиана всегда со стоном, криком, какой-то даже животной страстью. И потому что, если только вы начинали "любить" ее, то могли быть уверены: будете

"отлюблены" до конца. И вам совсем не удастся остановиться. Да даже наверное и неудобно вам будет останавливаться. Потому что лежите вы в мягкой и теплой кровати. Которая провисает под весом вашего тела. А на вас или под вами - лежит еще и обнаженная Лиана. И вы на себе ощущаете ее необъятные груди. И пенису вашему попеременно находится работа. Потому что оказывается он то во рту Лианы (которая целует, ласкает, сосет - играет с ним), то проникает между ног ее (так, что она чуть сжимает его бедрами, не давая выскользнуть и словно предполагая, что будет продолжаться работа); а то и просто разрывает воздух от наслаждения, исходящего совсем как будто и неизвестно откуда. Потому что все вокруг пропитано желанием. Желанием, исходящим в первую очередь от самой Лианы. И вам становится спокойно от такого желания. Быть может в первый раз перед вами женщина, которая вас хочет сама. И не хочет, чтобы вы "отстрелялись" и отвалили. И хочет, всегда хочет вас. Но не попрекает упреками, не затаскивает насильно в постель, а сама, всем своим видом показывает, что как только будете готовы, как только захотите ее, так может и брать ее сразу и без околичностей. И вводить свой член туда, куда вам только захочется. А у нее всегда будет "готово" там, куда вам захочется. А то и просто скажите (намекните, даже просто подумайте) что хотите секса, и больше ничего вам не надо делать; все сделает она сама.

.....

Лиана с каким-то до ужаса невероятным почтением относилась к мужчинам. Видимо женщина понимала, что все ее существование на самом деле подчинено лишь одному - тому или иному мужчине. Поэтому и без мужчин она не могла. И, наверное, даже не представляла, как будет жить.

Работала Лиана фармацевтом, в аптеке. Со временем девушка стала заведующей. Но к немногочисленным сотрудникам своим была весьма лояльна. Отчего и пользовалась взаимной любовью и уважением.

На рабочем месте любовью Лиана никогда не занималась. Хотя наверное и могла бы, потому что кабинет ее имел отдельный (служебный) вход и выход. И вполне можно было принимать в нем сексуально настроенных посетителей. Но этим Лиана не занималась.

А зато в своем кабинете она занималась любовью с собой. И должно быть именно для этого экран телевизора в ее кабинете занимал чуть ли не всю стену. А диски с порнографией, мужским стриптизом и крутой эротикой - находились в специально предназначенном для того сейфе. В котором кроме них и не хранилось ничего. Потому что для какой-то секретной документации и лекарств, содержащих наркотики - имелся другой сейф.

И когда заканчивался рабочий день, Лиана выжидала еще полчаса, пока не только уходили сотрудники, но и становилось понятно, что больше никто не придет, и только тогда она знала, что наступает ее время. И в течении еще полчаса она наслаждалась собой. Глядя свои груди, разглядывая в специально

принесенные зеркала свою плоть; и всовывая в нее различные предметы, удобные для вагинально-анальной мастурбации.

И ее фантазия при этом рисовала все новые и новые - выдергиваемые из подсознания - способы занятий с ней любовью различных мужчин. Причем отличие ее фантазийного распутства от настоящего заключалось лишь в том, что воображение ее рисовало мужчин, которых в реальной жизни быть может даже и не существовало.

И от мысли такой что-то невероятно приятное разливалось по всему ее необъятному телу. И Лиана испытывала наслаждение, которого никогда не получала в общении с настоящими (а не вымышленными как сейчас) мужчинами.

И это тоже, в своем роде, было урегулирование ситуации. Ибо уже получалось, что два этих пласта (берущих свое начало в сознании и подсознании), наслаиваясь друг на друга, помогали Лиане становиться такой, которой она, в общем-то, всегда и мечтала. Притом что я всегда был уверен, что бессознательно Лиана оставляла место для отступления. Потому что как бы подсознательно подозревала, что в ее жизнь вполне полноправно могут входить еще как минимум несколько десятков мужчин. Которых она ждала. Время ожидания заполняя любовью с виртуальными мужчинами.

Я был даже уверен, что некоторые из тех мужчин, которые приходили к ней в ее подсознании, периодически появлялись в секторе реальных оргазмоистических припадков Лианы и на самом деле. Потому что из многочисленного количества мужчин, Лиана безошибочно выдергивала тех, с кем уже и занималась любовью; но любовью главным образом

нереальной. Нереальной и потому, что ее пока никогда не существовало в реальности. И нереальной по самой форме допустимости ее фантазийного беспутства. Когда Лиана совсем не в силах была остановиться, почти теряя сознание на том (или под тем) или ином мужчине. Испытывая к нему смешанные чувства и любви и безразличия. И видимо все же уже действительно больше было именно безразличия. Потому что больше Лиана не встречалась с тем мужчиной, с которым хоть раз занималась любовью. Это была ее прихоть, но эта прихоть соблюдалась неукоснительно. Ведь она за раз получила все, что могла получить с такого мужчины. И более он ничем не был способен ее удивить. Хотя как раз в душе видимо все же испытывала некоторые двойные чувства. По одному из которых она действительно получала все, что хотела, сполна. А по-другому -- ей было и несколько жаль расставаться. Расставаться со своей мечтой. Ведь для Лианы каждый мужчина был мечта. И заполучая для себя эту мечту, вполне, быть может, и объяснимо, что Лиана ставила для себя новые цели и планировала задачи. А после решала и те и другие. И знала, что не решенных задач для нее не существует. Тех попросту не было. Да и быть, наверное, не могло.

Часть 3

Глава 1

У меня уже не было никаких сомнений. Эти чертовы женщины (многочисленные, более чем многочисленные; большинство из них не попали и не попадут в мое повествование,

---

иначе оно растянется до невероятных размеров) и сгубили в конце концов мою жизнь.

И то, что я сейчас нахожусь в тюрьме в ожидании смертного приговора, как ничто иное служит доказательством этому. Ибо на самом деле так выходит, что, сколько не пытался я нейтральным взглядом смотреть на происходящее, ничего более предвзятого у меня и не выходило.

А всяческие мои ухищрения по поводу того, чтобы хоть как-то отдалить проходящее мгновение, почти с точностью наоборот - оборачивалось против меня.

.....

Мне почему-то казалось, что надежда все-таки была.

Без существования этой надежды я бы, наверное, и не смог жить.

И я должен быть просто уверен, что что-то существует такое, без чего я действительно жить не смогу. Хотя бы потому, что оно уже есть. И без осознания наличия этого в себе,--- все мне покажется грубым, странным, и до боли безысходности неинтересным.

И что уж точно и наверняка, все мои попытки на самом деле (в дальнейшем) могут свестись к нулю. Да я был даже уверен, что их и не существовало вовсе. И уже потому, что я так считал, был уверен, что не ошибаюсь.

Мне вообще нельзя было ошибаться. Так почему-то считал я всегда.

И всякий раз находились какие-то причины, о существовании которых я и не знал. Но так оказывалось, что все эти причины худо-бедно поддерживали меня, не давая до конца скатиться в пропасть, и словно бы удерживая на весу в самый последний миг. А значит и тому, что в душе моей продолжала теплиться надежда, я был обязан именно этому. И что уж точно -- ничему другому. Да и чего-то другого я даже не предполагал. И все обстояло так, словно бы этого и не было. Не было совсем. Да и было ли?

Глава 2

Регину иногда я откровенно не понимал. Притом что если судить по большинству своих поступков, она казалась предсказуемой. Но как только вы убеждались, что находится она в полной вашей власти (а значит можно было кроить так и этак) -- совсем неожиданно для вас все менялось. И вы какое-то время пребывали в полнейшем недоумении по поводу всего происходящего. Пока наконец-то (и выходило это совсем независимо от вас) не нащупывали какую-то новую линию поведения; вашу линию поведения по отношению к ней; а значит уже понимали, что все действительно меняется. Или должно измениться в любой миг.

И тогда вы уже ожидали этого мига. Совсем не отвлекаясь на что-то, казавшееся вам - несмотря на свою притягательность - мелочным и не нужным. Совсем не нужным. Притом что можно было признать, что в некоторых случаях вы достаточно серьезно ошибались. Но и даже вероятная ошибка

вскоре не казалась вам таковой. Потому что в действительности не было ничего, чтобы вам указывало на наличие такой ошибки. И даже создавалось впечатление, что это была лишь видимость ошибки. Скорей всего видимость. А самой ошибки быть может и не было.

Но вы уже не могли смириться с этим. Как и не смогли бы решить для себя: стоило ли вам продолжать строить жизнь в этом же самом ключе?

Можно было закрывать глаза на происходящее. Можно было не замечать того, что жизнь как бы проходит вокруг (и мимо... мимо...) вас. Но в самый последний миг вы вдруг начинали удерживать уходящее мгновение. И потому, как бы по многим позициям, я чувствовал родственную душу в Регине. И несмотря на свою внешнюю непривлекательность, она была для меня ближе, родней, и желанней многих других моих женщин. Женщин, с которыми я занимался любовью. Прежде всего угадывая в них именно такое желание. Даже может быть как раз первую очередь - именно такое желание. И лишь потом все их другие возможные положительные качества.

.....

Я понимал, что Регина на самом деле не является такой, как выглядит. И пусть, как я уже заметил, внешне она казалась непривлекательной. Пусть. Вполне это могло быть и так. Хотя всего через несколько наших встреч - я уже не замечал этого. И

самое главное. Внутри Регины бушевал целый вулкан еще неизверженных страстей. И так было быть может потому, что в ее тридцать семь лет я оказался ее первым мужчиной - взорвавшим ее кратер и выпустившим всю лаву не востребуемых ранее сексуальных эмоций наружу.

До меня Регина действительно не получала большинство тех наслаждений, которые открыла с существованием в своей жизни меня. И пусть какое-то время после начала наших сексуальных встреч она еще продолжала любить других мужчин. Я этому совсем не противился. А даже испытывал дополнительное наслаждение, наблюдая как вылизывает Регина *pizdu* той или иной женщины, в то время как я накачивал ее сзади. И перед подступающим оргазмом всех троих - сливались мы в единый крик наслаждения; и дальнейшего восторга по поводу того, что все так чудесно получилось.

В моей сексуальной страсти было многое. И если все действительно могло смениться, то лишь одно оставалось неизблемым: Регина была категорически против, чтобы я изменял ей с другой женщиной. Хотя сама она изменяла мне с другой женщиной все чаще. Видимо я что-то открыл в ней (пробил шлюзы) такое, после чего она уже не могла остановиться, не получая ежедневно десяток-два оргазмов-удовольствий. А со временем Регина сама пожелала, чтобы она и ее подруга - посасывали-полизывали мой вздыбленный пенис. При этом (тоже удивительная деталь) не позволяя никому одному сосать его (только или с ней, или в ее присутствии).

Хотя стоит заметить, я никогда не обращал внимания на ее запреты. И как только какая-либо из подруг Регины становилась перед ней на четвереньки, готовясь совершать поступательные движения языком, я подбирался сзади и вгонял жерл в истосковавшуюся плоть дамы. И брал то выше то ниже, заканчивая туда, куда мне больше в тот момент хотелось.

.....

Наивно полагать, что Регина не знала об этом. Но уже в том, что она закрывала на подобное глаза, таилась еще большая загадка-страсть этой женщины. И я понимал, что в своих фантазиях при занятиях любовью - у нее возникала точно такая же картинка. И она, наверное, была уверена, что когда-нибудь нечто похожее повторится наяву. Произойдет с ней. При ее участии.

А поэтому и была она уже внутренне подготовлена к этому. И нисколько не противилась тому, что это и на самом деле произойдет. Ведь то, что предполагала (или желала) она - почти всегда происходило.

.....

Регине было, как я уже заметил, тридцать семь лет. Работала она бухгалтером в крупном, существующем его с советских времен предприятии. Ростом была маленькая. Носила длинную черную косу. И очень часто мой пенис стоял перед этим шлагбаумом, и сам же его отодвигая - входил в ворота (с

колокольчиков верху). Проникая еще глубже, и оказываясь уже в туннеле. И как только случилось это, края туннеля сдвигались, обхватывая своими стенами забредшее в них орудие страсти. После чего начиналась настоящая (и почти всегда обоюдная) работа. Заканчивающаяся выстрелом из моей почти 8-ми дюймовой пушки. И все, что в результате этого оказывалось внутри Рeginы - весьма благотворно сказывалось на ней. В том числе и на ее восприятии жизни.

Глава 3

Мне хотелось, конечно, что-нибудь изменить в моем восприятии действительности. И пусть сначала реальность расходилась с какими-то моими лучшими пожеланиями. Ведь я знал, что ситуация на самом деле продлится недолго. И уже вскоре, в то, что все действительно изменится, я верил самой отчаянной верой. При этом даже не сомневаясь, что все будет именно так, как я задумал. Задумал однажды. Быть может еще в своей юности (всегда был вопрос, что считать юностью? Какие годы? Какой временной промежуток? И со временем мне пришлось условиться, что к этому сроку - всегда ли это был срок? - можно было, в моем, конечно, случае, отнести время между 13, 14, быть может даже 15 и 18, 19 годами - к этой самой юности. После чего наступала молодость. А в молодости мы к сожалению склонны совершать уже иной раз и совсем взрослые поступки.)

Вообще же, я могу заметить, что в том, что происходило со мной после - причины следует искать именно в юности. Именно

там (тогда) укреплялась вся та мотивационная составляющая - последующих в том числе - поступков. А если что-то рассматривать еще подробнее, то мы так или иначе приходим к детству, попадем в детство. Когда, собственно, все и зарождалось. От детства, конечно же, было совсем никуда не скрыться.

И я уже думаю, что может и не надо скрываться. Потому как -- ведь всегда все хочется понять. И если это не слова, а действительно настоящее желание, то могу сказать, что мы должны пытаться предпринимать анализ того, что и как происходило с нами в детстве. Ведь именно там (и только там) еще можно было повернуть что-то в обратную сторону. Но вот только до сих пор остается проблемой, почему это не удавалось нам тогда. Не удалось осознать то, из чего после начнут складываться наши поступки. Поступки в нашей уже взрослой жизни.

.....

Если честно, я немного опасался погружаться в детство. И не потому, что там было плохо, или я боялся обнаружить что-то не то. Скорее наоборот - я отчего-то боялся пожелать там остаться. Ведь, по сути, детство это до сих пор самое счастливое время, которое у меня было. И я уверен, что оно уже никогда не повторится.

.....

Я отметал все попытки навязать мне мнение о том, что это глупость. Нисколько я в это не верил. Так же как и не желал по настоящему слушать. Словно бы предполагая, что просто обязана существовать другая жизнь. И я верил, что это действительно когда-нибудь будет так. И к этой (другой?) жизни я себя, получается, готовил. Да вот видимо все же не успел. Должен был признать, что не успел. Потому что пройдет совсем незначительное время, и все закончится. Меня расстреляют. Расстреляют за преступления, которые я не совершал. А если и существуют какие преступления, в которых меня можно было обвинить, так это лишь за то, что я любил жизнь. Любил женщин, которых встречал в этой жизни. За то - что после расставался с этими женщинами.

И откуда мне было знать, что позже эти женщины (пусть и не все, но многие из них) как-то загадочно погибнут. Причем окажется так, что в список погибших женщин попадут как раз те, кто встречался со мной. И не просто встречался. А любил меня. Любил, пусть и короткое время. Любил на небольшом протяжении своей жизни. Но именно этот промежуток запомнят многочисленные "свидетели". И именно их показания в последующем лягут в многотомное дело. Дело, состоявшее из многочисленных убийств и изнасилований. Причем главным подозреваемым по-прежнему буду я. Я один. Из чего следует...

--...Из чего следует, что вы маньяк,--зачитал по бумажке следователь свои умозаключения.

--Но ведь это не так,--я попробовал в который уж раз вступить за себя.

--Не так? (взгляд на меня сквозь очки).

--Не так (по возможности открытый взгляд в лицо).

--Не так... А если все же так?--следователь
испытывающее посмотрел на меня.

--А если так, то можете меня судить,--готов уже был
сдаться я.

--Не только судить, но и расстрелять.

--Да, да, менно их показания в последующем лягут в
многотомное дело. е, кто встречался со мной. тельно когда-нибудь
будет так.е когда-либконечно же... расстрелять...

.....

--Расстрелять,--повторил я про себя режущее слух слово
(хотя тут же вспомнил, что за свою жизнь поставил как минимум
две пьесы, в которых одним из кульминационных моментов был
именно расстрел главного героя. Причем еще пару раз - я сам
произносил эти слова в постановках, в которых выступал в
качестве актера.)

--Расстрелять... Мне это не нравилось. Неужели можно
так уж взять - и расстрелять. Невинного человека,--рассуждал я
сам с собой, улучив момент пока следователь, ловя вдохновение
на потолке - именно туда устремлялся взор его периодически
приподнимаемой головы - что-то быстро записывал в тетрадь.--
Расстрелять...

--А ведь вполне возможно, что меня и расстреляют,--
совсем некстати подумал я.--И если это действительно случится,

---

то виноват большей частью буду именно я. Виноват прежде всего в том, что не сумел отстоять свою правду. А правда заключается в том, что я ничего не совершал из того, в чем меня обвиняли. Ничего!..

Глава 4

--Каков все-таки подонок,-- пожилая женщина оторвалась от письма, чтобы сказать фразу, которая давно уже вертелась на языке, но ей хотелось добраться до того, что же будет написано в конце письма.

Но в конце письма было написано не больше чем в начале. Гадость, по сути. А то, что ничего это письмо не изменит, женщина понимала с самого начала. Когда пришло еще первое письмо, в котором какой-то неизвестный (представившийся следственным работником) предлагал, чтобы ему заплатили деньги в обмен на информацию о том, кто же настоящий убийца по делу, по которому обвиняли ее сына.

--Ты думаешь что это не правда?--подтвердил ее мысли отец Валерия Дмитриевича Таганкина - Дмитрий Федорович.

--Абсолютная неправда,-- произнесла Зоя Федоровна (мать) закуривая сигарету.

Зоя Федоровна была заслуженная актриса РСФСР, всю жизнь проработавшая в театре им. В. Ф. Комиссаржевской, и уже как пять лет пребывавшая на пенсии.

На пенсии был и Дмитрий Федорович, потомственный врач, доктор наук, профессор, периодически читавший лекции в "первом меде" Санкт-Петербурга.

--Но ведь с этим надо бороться...--размышляя, добавила Зоя Федоровна.

Дмитрий Федорович тоже понимал, что надо бороться. Но только он не знал как.

Отец Валерия Дмитриевича Таганкина был типичный подкаблучник. И только что-то не позволяло супругу сильной и волевой женщины считать что это действительно так. Хотя сам Дмитрий Федорович давно уже готов был с подобным согласиться. Но вслед за супругой предпочитал закрывать на подобное глаза. В первую очередь это было необходимо для его же самосохранения. Самосохранения как личности. Ведь личностью Дмитрий Федорович по сути был уникальной. Врач-хирург, он одним из первых в городе начал делать внутриволостные операции. Не побоялся. Хотя и вообще, если разобраться, Дмитрий Федорович мало что боялся. Или по крайней мере не считал необходимым показывать свой страх. Ведь страх, по сути, был равносителен поражению. Почти неизменно приводил к нему. И в том, что это не происходило - была исключительная заслуга именно Дмитрия Федоровича. Человека, хоть и выглядевшего мягким, но становившимся в иные минуты очень даже решительным. В критические минуты (когда необходимо было принять по истине судьбоносное и верное решение). И тогда он действительно преображался. Да и все вокруг тут же (и как-то быстро) начинали замечать эти изменения. Отчего начинали совершать поступки, совсем не свойственные им раннее. Что уже для них - почти неизменно означало поражение. А для самого Дмитрия Федоровича это была победа. Победа, которую он принимал без какого-либо ехидства или злорадства.

Словно бы и принимая как должное. А то и внутренне стараясь не замечать. Словно бы этого и не было. Не было.

--А может и действительно не было?--отвлек Дмитрия Федоровича от невольных размышлений вопрос жены.

--Что?.. Что ты сказала?--переспросил несколько обескураженный Дмитрий Федорович.

--Я говорю, может и действительно ничего не существует из того, что написал этот безумец?

--То есть...

--В том-то и дело! Во-первых, по манере письма никакой это не следственный работник. А во-вторых...

--Можно сказать, ты знаешь как пишут следственные работники?-- усомнился Дмитрий Федорович, невольно перебив супругу.

--Минуточку, господин доктор!-- подняла указательный палец Зоя Федоровна.-- Вы не забывайте, что у меня за плечами двадцать лет актерского стажа. И по крайней мере знать, где люди играют, а где нет - моя прямая обязанность.

--Мне кажется, что сейчас твоя прямая обязанность - помочь мне собрать передачу сыну в тюрьму,-- вспомнил Дмитрий Федорович занятие, за которым его прервал почтальон, принесший заказное письмо.

--А ты собирай по списку, который я тебе написала,-- подсказала, улыбнувшись, супруга.

--Список?-- переспросил, вспоминая, Дмитрий Федорович.-- Ах да! Список. Я про него совсем забыл.

--Ну где-то этого и следовало ожидать,--полу строго, полусерьезно заметила супруга.-- Но я бы тебя сейчас попросила

все же помочь мне разобраться с письмом. Ведь нам надо давать какой-то ответ.

--Какой ответ?--посмотрел на нее супруг.-- Завтра отнесу письмо в прокуратуру...

--Завтра?

--Завтра,-- внимательно посмотрел на жену Дмитрий Федорович.

--Ну, я имею в виду, почему не сегодня?-- подсказала Зоя Федоровна свои мысли, чтобы муж не подумал чего-то другого (не накрутил себе лишнего,-- как подумала она про себя, зная что за ним водится подобное).

--И действительно, почему бы не сегодня,-- улыбнулся Дмитрий Федорович, уже окончательно расслабившись.

--Вот в том-то и дело,-- позволила себе театрально вскинуть брови супруга, и у Дмитрия Федоровича на миг промелькнула мысль: уж не заигрывает ли она с ним?

От подобной мысли он тут же вынужден был отказаться. Да и у него, по сути, была двадцати семилетняя любовница. Бывшая его аспирантка, а сейчас доцент того же вуза, где работал он. И именно пыл, жар, сексуальная необузданность любовницы заставляли Дмитрия Федоровича как-то беречь силы для общения с ней. Что, впрочем, не обещало совсем не думать о других женщинах в некоем сексуально-интимном ключе. Ну это уже были, как понимал Дмитрий Федорович, издержки любви.

И все это промелькнуло перед Дмитрием Федоровичем в доли мгновения. И почти тут же в его кармане зазвонил мобильный телефон. И какой-то неприятный мужской голос

поинтересовался: не разговаривает ли он случайно с профессором Таганским?

--С ним самим и разговариваете,-- хотел было признаться Дмитрий Федорович, и тут только понял, что этот голос ему знаком. Он принадлежал его старинному другу и однокашнику - Марку Геннадиевичу Бакушеву. Десять лет назад Бакушев уехал на повышение в Москву. И сейчас он должен быть уже...

--Я ушел из прокуратуры,-- совсем неожиданно услышал Дмитрий Федорович ответ на свой вопрос. И догадался, что часть собственных размышлений он неосознанно произнес вслух. Подтверждением чего служил и заинтересованный взгляд его супруги, по услышанным фразам и мимике мужа пытающейся понять, о чем же говорят мужчины.

--И где ты сейчас?-- почти машинально задал вопрос Дмитрий Федорович.

--В министерстве юстиции,-- ответил, рассмеявшись, Бакушев.

--И на какой, если не секрет, должности?-- поддержал веселый тон Дмитрий Федорович.

--Один из помощников министра,-- на удивление несколько уклончиво произнес Бакушев.

--Один из...-- задумчиво повторил профессор таганский.

--Я что звоню. Я всего на два дня в Питере. И очень хотел бы тебя повидать. Ты как?

--С удовольствием!-- тотчас же отреагировал Дмитрий Федорович, про себя улыбнувшись, и решив, что вот кому он и покажет это загадочное письмо. (А жена уже согласно кивала в ответ, благословляя мужа на подобный шаг.)

Глава 5

--Беспутству слабых поем мы песню,-- добавил Иван Алексеевич Холостов, присяжный поверенный на назначенном суде по обвинению некоего Валерия Дмитриевича Таганского в многочисленных убийствах и изнасилованиях (хотя изнасилования чуть позже отпадут как бы сами собой, потому что выяснится что последних, собственно, и не было. Сам секс был, а изнасилований не было. Но убийства остались. Убийства женщин, которые все без исключения были любовницами Таганского. На это и делало основной уклон следствие. И это же была основная линия защиты Таганского. Один из адвокатов которого сейчас беседовал с Холостовым).

--Вы считаете, что он не виновен?-- спросил Холостов адвоката, прокручивая еще раз все, что ему только что рассказали.

--В том-то и дело,-- задумчиво и серьезно произнес адвокат.

--Признаюсь - я тоже склоняюсь к подобной мысли,-- признался Холостов.-- Но боюсь, что другие присяжные с этим не согласятся.

--Поэтому я и пришел к вам,-- заинтересованно посмотрел на него адвокат.

--Вы хотите, чтобы я убедил в этом остальных?

--Да,-- честно признался адвокат.-- И как никогда я уверен, что это у вас получится.

--Отчего же такая уверенность?-- несколько озадаченно поинтересовался Холостов.

--Есть на то причины,-- несколько уклончиво произнес адвокат.-- Но главным образом я так считаю потому, что в вас есть какая-то удивительная энергетика, заставляющая других вам верить.

--Ох, не люблю я кого-то заставлять,-- честно признался Холостов.

--А заставлять никого не требуется. Сейчас, даст Бог, другие времена. 90-е года уже прошли. И расцвет и закат криминала уже случился. И стал фактом истории.

--А вы застали те времена?-- полюбопытствовал Холостов, прикидывая возраст адвоката (которому на вид было не больше тридцати).

--Почти нет,--признался тот.-- Тогда я только начинал работать, был помощником адвоката. Одного даже известного адвоката. Которого потом подставили и посадили.

Холостов назвал имя известного адвоката. Адвоката даже больше известного по нашумевшему процессу, в котором того обвиняли в краже каких-то рукописей из библиотеки.

--Нет, нет,-- усмехнулся адвокат.-- Мой бывший начальник, должно быть, был все же не так известен. Хотя почти в точности и повторил судьбу своего более именитого коллеги. За исключением быть может того, что того адвоката уже освободили, и он вернулся к своей практике, а мой сидит.

--Чем же он так насолил властям?-- усмехнулся Холостов.

--Мы не о том говорим,-- постарался вернуть его к первоначальной теме беседы адвокат.

--Извините,--попросил прощения Холостов.

В голове Холостова все время вертелся один вопрос: как же тот, кто к нему пришел, узнал о том, что именно Холостов один из членов суда присяжных на ожидаемом процессе его подзащитного?

Однако задавать подобный вопрос он не решился. Но даже если бы и задал - адвокат бы не ответил. Нанявший его отец Валерия Дмитриевича Таганского просто передал ему список. И первым в списке стоял Иван Алексеевич Холостов (самому же профессору Таганскому этот список передал его друг и однокашник Бакушев. И это было единственное, что он мог, по его словам, сделать в ответ на просьбу Дмитрия Федоровича к своему влиятельному однокашнику прикрыть процесс).

--Так...--задумчиво произнес Холостов.

--Будьте уверены, вы помогаете правде,-- сказал адвокат.

--Да я уже понял,-- ответил Холостов.

--Вам что-то мешает согласиться,-- догадался адвокат.--
Давайте я пока вас оставлю. Но я уверен, что вы согласитесь. А чтобы вам было легче думать (адвокат открыл дипломат, достав оттуда какие-то бумаги). Вот (он положил бумаги на стол). Я знаю, что вы давно собирались купить дачу.

--???

--Это документы на право владения участком в Лисьем Носу. Там есть и постройка. Небольшой двухэтажный домик. ("Все равно под снос",--подумал адвокат.)

Но эмоции уже переполняли Холостова. И всем своим видом показывая, что его "решение" на самом деле будет

положительным, он уже хотел только одного: чтобы адвокат поскорее ушел.

А он... Он напишет письмо в прокуратуру. И постарается упрятать этого адвокатишку туда же, где находился сейчас его подзащитный.

И совсем не вопрос был в какой-то честности или нечестности. Просто у Холостова в Лисьем Носу жил брат. И от него он знал, что дома по адресу, который он сейчас увидел в бумагах,-- как бы уже и недействительны. А честность... пусть этим вопросом занимается следствие.

Глава 6

Мне было не так просто избавиться от навязчивого желания общаться с женским полом. Удивительно, но не воспринимая всерьез большую часть его представительниц, я тем не менее тянулся к ним. Словно подозревая, что это все-таки то, без чего в своей жизни я пока не могу обойтись. И видимо так это и было.

С какого-то времени я научился видеть не внешний образ женщины, а как бы смотрел дальше. Например, знакомясь с внешне роскошной женщиной, я уже представлял как ее красивые, напомаженные губы будут обхватывать мой пенис. Когда передо мной оказывалась женщина в каком-то особо дорогом одеянии - я уже старался угадать, какое за всем этим скрывается тело. И по настоящему приятно мне было представлять, как она снимет свои

наряды, и будет абсолютно голая стонать подо мной. Умоляя или ускорить или замедлить телодвижения.

Ну а если передо мной предстала совсем уж строгая и внешне недоступная леди - я начинал испытывать неописуемое наслаждение, представляя как пройдет какое-то время, и она станет ползать за моим членом в безмолвной просьбе сосать его; или распластается и замрет в ожидании неизведанного раннее наслаждения, когда я проникну в нее -- между двух ее ягодичек. И у нее тогда промелькнет мысль, что она должно быть блядь. Но это уже не будет окрашено в ее сознании в какие-то негативные тона. И даже сама такая мысль станет дополнительно возбуждать ее.

И я не думаю что это выглядит как-то странно. Я даже немного уверен, что нечто подобное подсознательно желает большинство нормальных мужиков. Разве что иной опасаясь признаться себе в этом.

И это нормально. Потому что совсем необязательно все пропускать через сознание. Достаточно будет, если подобные желания будут не только формироваться в подсознании, но и оставаться там. И уже оттуда - оказывать влияние на сознание. Быть может и вынуждая его к совершению ряда действий, на которые ранее такой индивид был не способен. Причем испытай их, почти наверняка через время ему захочется повторения подобного. И если даже такое повторение получится не сразу, все равно подобный человек будет уже как бы ориентирован на то, что когда-нибудь у него все получится. А значит он вновь испытает то наслаждение, которого, получается, будет все это время жаждать. По крайней мере так мне это казалось.

Глава 7

Ядвига... Высокая, властная, из одежды предпочитала мини-юбки, ботфорты, блузку, подчеркивающую ее грудь, имела длинные каштановые волосы, и черный спортивный "Мерседес".

Ядвига была замужем за каким-то артистом, имя которого она предпочитала сохранять в тайне. Тем более что артист был голубой. А Ядвига ему необходима была исключительно для имиджа. Причем имидж у него был-то как раз противоположный его наклонностям (этакая брутальная внешность). И увидев их как-то вместе на какой-то презентации (волею профессии я был обязан посещать презентации), я поначалу несколько смутился, решив, что этот артист (на тот момент он достаточно активно снимался в сериалах) ее любовник. Но потом мой знакомый фотограф, обслуживавший звезд, со многими из которых, по его словам, был "как родной", как-то ненавязчиво шепнул мне что это и есть ее муж (когда-то я спросил про мужа Ядвиги Лисневской, и он пообещал при случае показать его).

Не решаясь как-то проверить эту информацию, я поверил ей. И несколько был озадачен, когда на самом деле оказалось, что мужем Ядвиги был совсем другой человек. Брат этого артиста, внешне с ним невероятно схожий.

Но окончательно я успокоился, когда узнал что брат артиста имел такие же - голубые - наклонности. И Ядвига даже иногда трахала (искусственными фаллосами) их обоих. Хотя и

подобное происходило, когда они все втроем уж как-то слишком сильно напивались.

Но если поначалу для Ядвиги это было забавой (а потому случалось лишь эпизодически), то со временем оказалось, что напивались они втроем все чаще. Да и как-то иначе удовлетворять свои извращенные сексуальные наклонности не могли. Да и зачем было лишний раз "светится". Поползли бы совсем не нужные слухи. Ведь и тот и другой работали в одной - ночной - сфере, шоу-бизнесе. Просто один брат - снимался в кино. А другой -- был продюсером ряда музыкальных проектов своего брата (наш артист еще иногда пел). И поэтому просто так "палиться" никто из них не хотел. А то, что периодически с ними вытворяла Ядвига - устраивало обоих. Притом что со временем (чтобы как-то удержать специфический интерес девушки к подобному занятию) братья стали эпизодически Ядвигу поебывать. Причем происходило все как-то ненавязчиво, словно бы даже "само собой". А Ядвига... Мне казалось, ей это нравилось. Тем более у нее был открыт беспроцентный и неограниченный кредит. И мне даже трудно было предположить, сколько же она на самом деле на себя тратила. Но то, что суммы измерялись сотнями тысяч долларов в месяц - было близко к истине (особенно если учесть, что суммарный месячный доход братьев колебался в районе 5-7 миллионов долларов. А иногда был и выше).

.....

Ядвига вполне оправданно с каким-то подозрением относилась к другим женщинам. И уже в восприятии данного

факта мы необычайно тесно сошлись друг с другом. Сошлись настолько близко, что это именно она открыла тайну своих отношений с обоими братьями.

Да и что отдавалась мне Ядвига с такой самоотверженной преданностью, что я всякий раз (после сеанса любви) испытывал к ней еще большее доверие. Притом что кроме всего прочего получал я и какое-то особенное наслаждение от занятий любовью с Ядвигой. Ибо так уж выходило, что я действительно вскоре заметил, что секс с Ядвигой как бы не шел ни в какое сравнение с сексуальными отношениями с другими женщинами. При том что зона моих сексуальных пристрастий простиралась значительно шире получения просто оргазма.

И во всем этом, конечно же, действительно просматривалось нечто большее. Отчего и в своей оценке Ядвиги я не мог быть до конца однозначным. Поэтому и оставалось между нами все время нечто большее, чем просто отношения. То есть оставалось какое-то пространство, которое со временем могло быть заполненным. А пока как бы было время для разбега. Для перспектив - на будущее. Ну а в том, что эти границы все время расширялись - я видел только хороший знак. Ибо это означало, что будем мы общаться долго. И не сможем исчерпать увлечение обоюдным вниманием.

И как я уже заметил (и был в этом более чем уверен), подобная ситуация нравилась не только мне, но и безусловно - Ядвиге.

Глава 8

Вообще же, это во многом было занимательно, поучительно, удивительно и прекрасно. Ибо все мои женщины на поверку являли собой нечто большее, чем могла бы просто предложить женщина мужчине. И даже большее (уверен, что большее), чем эти все мои женщины казались другим мужчинам, с которыми ели, спали, занимались любовью, влюбляли в себя, и вообще - всевозможными способами доставляли им удовольствие.

Я ни за что не скажу, кого из тех женщин, которые когда-то прошли через мою жизнь, я больше любил. Подобный расклад просто не имел места быть. Да и подобного, конечно же, быть не должно.

И уже потому, всех своих многочисленных сексуальных партнерш я воспринимал с большей или меньшей долей участия, внимательности, да и, наверное, просто сердечной привязанности. И уже наверное поэтому, я не переставал удивляться, как же выходило так, что почти их всех - вменяли мне в вину? И как вышло так, что жизнь этих прекрасных девушек и женщин - закончилась трагически? Более чем трагически, если читать материалы следствия...

Не знаю зачем, но мои, сменяющие друг друга следователи, рассказывали мне о совершенных "мною" преступлениях. И выходило так, что тут же включающееся мое воображение начинало достаточно живописно прорисовывать картины произошедшего. И это все даже не становилось выдернутым из контекста, а наоборот - складывалось где-то в потаенных уголках моей собственной души в единый

полнометражный фильм. Даже скорее уже - сериал. Сериал любви, убийства этой любви (разрыв между влюбленными всегда убийство одной стороной другого), и заканчивающегося в итоге реальным убийством. Так что выходило, что следственной части и не надо было что-то дополнительно домысливать. Я это делал за них. Потому как проходило время (за которое реальная - рассказанная мне - информация смешивалась с домыслами, частично услышанными от следователей, частично полученными из глубин собственного подсознания), и вся картина случившегося шла передо мной единым потоком. И никто на самом деле не знал - сколько же правды было во всем этом. Ибо смешивалось все иной раз до невообразимости. И совсем ничего нельзя было понять, предсказать, просчитать... Совсем ничего.

И в итоге оказывалось, что я накручивал многое сам себе. Накручивал настолько, что нисколько уже не способен был остановиться. Не готов был к этому. Да и вообще, в иных случаях, оказывался ни к чему не готов. И мне... мне становилось невероятно страшно за происходящее. И еще больше становилось страшно от того, что кто-то вообще способен был такое совершить.

И казалось нелепым, что судьба была готова так отнестись по мне, водрузив на меня весь груз чужой вины. А ведь главным образом страдали люди, которые когда-либо попали в зону моего внимания. Причем даже не повышенного внимания, потому как я всегда (словно предполагая, что в последующем это может развиваться в нечто, как минимум, нехорошее) с некоторой опаской относился к любым видам знакомств. Словно бы действительно предполагая, что это может оказаться неким

риском для других. Хотя и вряд ли у меня еще даже до последнего времени что-то окончательно сформировалось в мозгах. Скорей всего это уже и вовсе становилось невозможным. (Потому как начинало заикливаться в рюкзачке разума именно в прогрессии к дням суда, а окончательно все станет на свои места, как я понял, в дни - часы - минуты перед приговором.)

Но ведь я никогда в полной мере не доверял своему сознанию. Знал я, что больше мне необходимо было полагаться именно на свое бессознательное. Ведь именно там, в глубинах его, скрывалось что-то, что в конечном итоге и направляло мою жизнь. И пусть я пытался всю жизнь просчитать это. В каком-то окончательном варианте это было невозможно. Окончательно невозможно. Пока невозможно. Но совсем скоро - все станет реальностью. И оттого - мне становилось как-то невыносимо больно от всего этого.

Глава 9

Дмитрий Федорович и Зоя Федоровна действительно просчитались со своим планом (уже теперь и неизвестно, кому первому в голову пришла эта идея) воздействия на присяжных. Конечно, пройти по цепочке получения информации не удалось. И для Дмитрия Федоровича так и осталось загадкой, то ли Бакушев сказал неправду, то ли Холостов пришел не к тем людям в фискальных органах. Но заявление того сначала не хотели принимать (регистрировать). Потом приняли. А еще через время - привлекли к суду за клевету. Ибо никаким присяжным он не был. А с непогашенной судимостью своего брата - и не мог быть.

Документы же на дом, предоставленные адвокатом, были составлены столь небрежно, что даже если бы Холостов захотел - получить этот дом в собственность он бы не смог. В лучшем случае не смог бы. А в худшем - его бы еще и посадили. За захват подлежащего к сносу помещения, находящегося на балансе одного из предприятий Ленобласти. Так что во всех случаях информация об этом деле для всех оказалась противоречивой и недостаточной.

Что же до меня, так я обо всем этом узнал совершенно случайно. И наверное подумал, что для меня лучше было ничего такого не знать. Потому что с недавних пор ни в какое правосудие я уже не верил. Как и не рассчитывал, что со временем удастся поверить.

И впереди меня ждал суд. И вполне реальный приговор. дили. пучае не мог. А в худшем -- его что даже если бы холостов -- и кому первому в голову пришла эта идея) воздействия на Согласно которому моя жизнь должна была прекратиться.

И совсем не было для меня спасения. Да никакого спасения, наверное, и быть не могло. А сам приговор (и приведение этого приговора в исполнение) -- было вероятно для меня тем самым исцелением, которое только могла предоставить моя жизнь. Ибо устал я от жизни невыносимым образом. И, должно быть, просто-напросто загнал себя. Так что большего мне ничего не хотелось. Не хотелось жить. Не хотелось разгадывать ребусы этой жизни. И даже сложно было окончательно сказать, действительно ли моя ожидаемая смерть - была моим поражением? Для меня, с недавних пор, это уже выглядело подарком судьбы. Подарком, на который, быть может, я на самом деле и не мог в полной мере рассчитывать. И надеяться, что все

это действительно было так. Ибо как бы уже не было, но я до последнего времени не верил, что со мной произойдет то, что должно было произойти.

Но так выходило наверное потому, что никто из нас не способен окончательно поверить в свою смерть. В то, что жизнь вдруг внезапно закончится. И для вас не будет шанса что-либо вернуть. Да и как такое возможно? Разве что только на грани абсурда...

Часть 4

Вместо эпилога

Глава 1

После моей смерти на самом деле ничего не заканчивалось.

Потому что начиналась другая жизнь. Жизнь без всяких условностей, иллюзий, наверное даже такая жизнь, о которой я совсем даже не мог и мечтать. Ибо это действительно было нечто новое и неизведанное. Неизведанное прежде. Потому... Потому что, как для нас может быть что-то известно, если никто из нас по настоящему не умирал. А если для кого-то это и стало возможно, то на мир он уже начинал смотреть другими глазами. При этом как будто на тот же самый мир.

И должно быть удивлялся про себя человек, почему же это не известно ему было раньше? А если даже что-то об этом ему было известно, то что уж точно да наверняка - не до конца прочувствовано им. Не прочувствовано настолько, чтобы он

способен был сделать для себя соответствующие выводы. Чтобы способен был сделать какой-то анализ. Ведь для меня - с недавних пор - вообще анализ стал чем-то судьбоносным и притягательным. Тем, от чего я уже не мог отказаться. Не способен был. Ибо весьма и весьма забавно было наблюдать себя со стороны.

А ведь я и действительно теперь стал наблюдать себя со стороны. И это было без всяких условностей и ограничений. Потому что ни за что бы не смог я окончательно решить, что это все было со мной.

Притом что именно я оказывался непосредственным участником этого. Да еще с ощущением, что словно бы оказывался единственным участником.

А окружающие... Были ли они?..

И тогда уже если были, то воспринимались мной в качестве одного непреложного дополнения. Когда их я словно не замечал. Но и без них моя жизнь казалась совсем пустой. Настолько пустой, что этой жизни и вовсе, наверное, не было.

Но ведь она была?

Была.

Но если все же была (мог ли я позволить себе даже не предположить это?), то отнюдь не казалась мне какой-то нужной, и по настоящему желанной. Так же как совсем я не способен был уловить в этой жизни хотя бы одну часть чего-то, оправдывавшего мое существование.

Да и никакого, собственно, существования уже не было. По крайней мере, не было ничего, чтобы подтверждало это. И по настоящему, наверное, во всем этом был туман. И этого тумана

было столько, что я теперь просто боялся предположить, что это на самом деле возможно. Возможно. Возможно ли?

Глава 2

Я не буду говорить, что всего этого на самом деле не происходило. Ведь так не волен был говорить не только я. И на самом деле, наверное, все же стоило признать, что я просто перестал воспринимать свою жизнь в каких-то прежних образах. А картинки прежних ассоциаций - складывались в какой-то ассоциативный ряд. И я со всем правом мог бы предполагать, что их на самом деле не было. (Хотя я и перестал относиться к ним так, как раньше. Перестал замечать их. И все для меня было по-новому).

Я даже не знал - расстреляли ли меня, или я просто сошел с ума? Представив, что это так, и перестал (под шумок) воспринимать окружающую действительность с прежней долей реальности, которую теперь заменила главным образом условность.

Наверное, это действительно была условность. Я бы уже мог ухватиться за это. Мог даже предположить намного большее, чем способно было бы предположить самое воспаленное воображение. И если у меня еще оставался шанс что-либо изменить или исправить, то, конечно же, я уже не относился к этому (ко всему этому) как к, собственно, шансу. Воспринимая все - с той же самой долей условности, к которой был готов и раньше. Вот только если раньше я понимал что это так (независимо, что я

при этом говорил), то теперь все разом изменилось. И мне приходилось просто-напросто подстраиваться под обстоятельства. Обстоятельства, о которых я не знал: желанны или нет они для меня. И скорее всего я воспринимал их просто. Просто так. Просто потому, что, по моему мнению, они должны быть. И я совсем даже не верил, что может быть как-то иначе. Что как-то иначе - просто возможно. Возможно потому... Потому...

Да и черт знает на самом деле почему? Наверное все же потому, что если действительно я мог предположить что это возможно, то уже мог быть доволен вследствие этого. А если еще учесть, что реальность я по-прежнему не воспринимал, то это уже и означало, что так-то ничего и не происходило. Ничего не происходило из того, о чем я вообще мог когда-то рассказать. Потому что этого попросту не было. А раз не было...

Глава 3

С момента случившейся со мной смерти, я иногда пребывал в достаточно подавленном состоянии. Хотя и ни за что не желал признаться в этом себе. Словно бы даже не хотел. Не мог. Не способен был себе позволить хотеть.

И мне даже и в голову не могло придти, что хоть что-либо из этого было возможно. Потому что... Нет. Невозможно. Пусть я даже и боялся признать это.

.....

Наверное дело все же обстояло так, что я должен был -- несмотря на какое-либо мое внутреннее сопротивление к этому -- предпринять какой-то анализ происходящей действительности. Хотя и на самом деле я не мог сказать: устраивала ли меня эта действительность? И не мог сказать даже не по каким-то судьбоносным, глобальным, или даже более-менее важным причинам. Совсем нет. Все дело в том, что как я уже говорил - я просто потерялся в той действительности, которая меня окружала. И выходило так, что любой предпринимаемый в этом случае анализ - так или иначе не привел бы к чему-то реальному или положительному. Он бы просто повис в воздухе. Потому что случайностей на этом поприще было столько, сколько и вообще могло существовать каких-то вариантов. Вариантов действительности. Усиленной, конечно же, и нашим восприятием ее, и - должно быть в первую очередь - отношением к ней. Ибо уже отношение это могло быть совсем даже различным. И иногда (я мог это допустить) способно было напоминать и вовсе нежелание воспринимать то, что как будто мне явно виделось. Более чем явно. Иной раз - более чем явно виделось.

Подобное видение -- напоминает прочувствование. А то и интуитивное угадывание. Угадывание того, что происходило. И наверняка, чем явственней что-либо казалось мне - тем уверенней можно было предположить, что за всем скрывается ошибка. Ошибка, которая, быть может, даже и не угадывается на первый взгляд. Но которая непременно существует. И тогда уже - в том, что мы не можем (опасаемся?) это признать, быть может и кроется частица истины. Лишь частица. Потому что уже я могу сказать, что основную истину, быть может, и вообще не дано

прочувствовать. Понять. Осознать. Потому что находится она в ведении не сознания. Отнюдь - не сознания.

.....

Я начинал догадываться что своими откровениями (справедливее было назвать это философствованием. Философствованием перед эшафотом. Ну, или уже после него. В зависимости от того, произошло ли само событие - казнь - на самом деле) я начинал уже запутывать самого себя. Но ведь уже и без этого не мог. Хотя бы потому, что без этого все мое повествование было бы неполным.

Глава 4

Выходило так, что я на самом деле запутался: что же произошло? И самое удивительное, что я ничего не помнил. Я даже не мог с уверенностью сказать, что состоялся суд. И приговор был приведен в исполнение. Ибо казалось мне, что вмешалась какая-то невероятная (достаточно странная, по сути) сила. И по цепи таких же невероятных совпадений, я словно бы и совсем перестал понимать, что происходит.

Но все же в большей мере склонялся к тому, что меня на самом деле не было. Не было. Не существовало. Быть может - и никогда не существовало...

Теперь уже эпилог

Конечно же, сколько я ни пытался анализировать действительность, окружающую меня, я всякий раз убеждался, что мне фактически каждый раз приходилось начинать сначала.

Я уже просто как бы обязан был это делать. Потому как, все те схемы, которые являл в моей душе этот самый анализ - в конце концов заканчивались безрезультатно. Всякий раз. И все время - с удивительной, по сути, однотипностью. Словно бы совсем невозможно было что-то изменить. Даже если предположить, что все может измениться в самый последний миг. Когда я как вроде бы уже и нащупал правду. Истину. Истину, которой на самом деле не было. Как будто не было. В то время как я держал в своей голове нечто иное. Но... Я сам понимал, что просто ошибаюсь. И ничего на самом деле уже не могло быть.

.....

Валерий Дмитриевич Таганский попал словно бы в удивительную ирреальность.

Его действительно окружала действительность. Подобная тавтология была даже оправданна. Но в оправданности ее было не больше правды, чем и в чем-либо другом. И в конце концов он просто запутался. Запутался в том, что лишь недавно ему представало чем-то понятным. И уже как будто даже решенным. Решенным настолько, что совсем не требовало какой-либо проверки. Ибо тут же хотелось все это применить в жизнь. Но в том-то и дело, что в какой-либо реальной жизни это

применение не имело. И тогда же все его недавние умозаключения (дававшиеся ему, заметим, с большим трудом) были ничем иным... Ничем они и не были. И это было самое печальное, что могло быть. Самое печальное...

.....

Я пытался взглянуть на себя с позиции прошедшего времени. Пусть я считал в своем сознании, что время это было безвозвратно потеряно. На самом деле мне что-то говорило, что это не так. И тогда уже я в который раз возвращался к своему прошлому. Пытался постичь его. Пытался разобраться, как же так стало возможно, что вся моя жизнь прошла в одном неисчезающем тумане. И если и хотелось мне, чтобы он закончился, то, как только даже подходило что-то подобное, все внутри словно бы восставало против этого. И я вновь и вновь продолжал жить так, как, собственно, и жил до этого. И ничто уже не говорило что что-нибудь изменится. И в конце концов я понял, что запутался. И уже тогда - я просто убил себя. Хотя ведь... я давно уже умер...

Сергей А. Зелинский

09 июня 2006 год.

© С.А.Зелинский. Последний анализ, или философствование перед эшафотом.

